

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-8-50>

<https://elibrary.ru/AORCFU>

УДК 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Анна ДОБРЯШКИНА

«Я ОСТАЛСЯ ПРИ СВОЕМ МНЕНИИ О РУССКИХ»: ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР В АМЕРИКАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (часть первая: 1940–1945 гг.)

Аннотация: В статье рассматривается пребывание немецкого писателя Лиона Фейхтвангера во время Второй мировой войны в США, куда он смог эмигрировать в 1940 г. из Франции благодаря вмешательству американского президента и американских коллег. В США творчество писателя было хорошо известно, его роман «Еврей Зюсс» пользовался большой популярностью, все книги Фейхтвангера публиковало нью-йоркское издательство “The Viking Press”. С другой стороны, американская общественность и американские спецслужбы встретили писателя как друга СССР и автора скандального травелога «Москва 1937». В первые месяцы жизни в США Фейхтвангером и его просоветской позицией интересовалась пресса, однако ситуация изменилась после заключения союза между США и СССР. Фейхтвангер продолжал сохранять симпатию к Советскому Союзу и многократно пытался установить связь с московскими друзьями. Он отправлял свои рукописи, письма и приветственные телеграммы в СССР, до 1943 г. телеграммы регулярно публиковались в советской прессе. Однако писателю не удалось во время войны напечатать в советском издательстве ни одного своего произведения. Посредником в сложных отношениях между Москвой и писателем-эмигрантом был советский вице-консул Г. Хейфец, который не только отправлял в Советский Союз отчеты о положении немецких писателей в США, но и просил издать романы Фейхтвангера в советском издательстве. Благодаря поддержке Хейфеца после капитуляции Германии в московском журнале был напечатан первый роман Фейхтвангера.

Ключевые слова: немецкие писатели-антифашисты, Лион Фейхтвангер, Арнольд Цвейг, Франц К. Вайскопф, Бертольт Брехт, Томас Манн, Альфред Канторович, Т.А. Рокотов, ВОКС, Союз советских писателей, СССР, США, Лига американских писателей, Вторая мировая война, эмиграция, «Интернациональная литература», Национальный комитет «Свободная Германия».

Информация об авторе: Анна Владимировна Добряшкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>. E-mail: annica@list.ru.

Для цитирования: Добряшкина А.В. «Я остался при своем мнении о русских»: Лион Фейхтвангер в американской эмиграции (часть первая: 1940–1945 гг.) // Литература двух Америк. 2024. № 17. С. 8–50. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-8-50>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Выражаю глубокую признательность д.ф.н. профессору Ольге Юрьевне Пановой за поддержку и ценные советы во время работы над статьей. Также я благодарю моего мужа Аркадия Васильева за помощь в работе с архивом американской прессы.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-8-50>

<https://elibrary.ru/MTOXPZ>

UDC 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Anna DOBRYASHKINA

“I STUCK WITH MY OPINION ABOUT THE RUSSIANS”:
LION FEUCHTWANGER IN THE AMERICAN EXILE
(Part I: 1940–1945)

Abstract: The article examines the stay of the German writer Lion Feuchtwanger in the United States during World War II, where he was able to emigrate from France in 1940 thanks to the assistance of the American president and American colleagues. The writer's work was well known in the United States, his novel *Power* was very popular, all of Feuchtwanger's books were published by the New York publishing house The Viking Press. On the other hand, the American public and American intelligence services knew the writer as a friend of the USSR and the author of the scandalous travelogue *Moscow 1937*. In the first months of his life in the United States, the press was interested in Feuchtwanger and his pro-Soviet position, but the situation changed after the alliance between the USA and the USSR. Feuchtwanger continued to maintain sympathy for the Soviet Union and repeatedly tried to establish contact with his friends in Moscow. He sent his manuscripts, letters and congratulatory telegrams to the USSR, and until 1943 his telegrams were regularly published in the Soviet press. However, the writer failed to publish a single one of his works in a Soviet publishing house during the war. The intermediary in the complicated relations between Moscow and the émigré writer was the Soviet vice-consul G. Heifetz, who regularly reported to the Soviet Union on the situation of German writers in the USA, and asked to publish Feuchtwanger's novels in the Soviet Union. Thanks to Heifetz's support after Germany's capitulation Feuchtwanger's first novel was published in a Moscow magazine.

Keywords: German antifascist writers, Lion Feuchtwanger, Arnold Zweig, Franz K. Weiskopf, Bertolt Brecht, Thomas Mann, Alfred Kantorowicz, T. Rokotov, VOKS, Soviet Writers' Union, the USSR, the USA, the League of American Writers, World War II, emigration, *International Literature* magazine, The National Committee for a Free Germany (Nationalkomitee “Freies Deutschland”, NKFD).

Information about the author: Anna V. Dobryashkina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>. E-mail: annica@list.ru.

For citation: Dobryashkina, A.V. “I Stuck with My Opinion About the Russians”: Lion Feuchtwanger in the American Exile (Part I: 1940–1945).” *Literature of the Americas*, no. 17 (2024): 8–50. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-17-8-50>

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

I express my deep gratitude to Professor Olga Y. Panova for her support and valuable advice during my work on the article. I also thank my husband Arkady Vasilyev for his help in working with the archive of the American press.

5 октября 1940 г. американский пароход “Excalibur” вошел в порт Нью-Йорка, и в жизни его знаменитого пассажира Лиона Фейхтвангера начался новый и последний период скитаний — американский. Фамилия в фальшивых документах Фейхтвангера, не имевшего с 1933 г. никакого гражданства, тоже звучала теперь по-американски: Уэтчик¹. Французская, по-своему весьма комфортная эмиграция закончилась интернированием писателя-антифашиста за его «дружеское отношение к Советскому Союзу» (*Sowjet-freundliche Gesinnung*)² сначала в лагерь Ле-Милль, затем в лагерь Сан-Никола под Нимом. «После четырех месяцев нахождения в лютом концентрационном лагере, многочисленных отвратительных приключений, нелепых и возмутительных конфликтов»³ немецкий писатель наконец-то прибыл в США — «с одним лишь рюкзаком, в убогой одежде, без денег, но счастливый»⁴. Марта Фейхтвангер, жена писателя, отдавшая беглецу единственный билет на пароход, добралась до Нью-Йорка чуть позднее. Банковские счета Фейхтвангера были заблокированы, библиотека, необходимая для работы, частично пропала, частично — благодаря стараниям секретарши Лолы Сернау⁵ — была перевезена в Португалию.

Список того, с чем Фейхтвангер приехал в Америку, должен быть дополнен как минимум «самым надежным адресом»⁶ нью-йоркского издательства “The Viking Press”, которое публиковало произведения писателя на английском языке уже много лет, и именем издателя Бенджамина Хюбша (Benjamin W. Huebsch, 1876–1964), не раз приходившего немецкому автору на помощь, а сейчас встречавшего его вместе с представителями прокоммунистической Лиги американских писателей (League of American Writers) на набережной.

¹ Wetchek — переведенная на английский язык фамилия Feuchtwanger, букв.: «влажная щечка». Для переезда в Америку Фейхтвангер использовал свой писательский псевдоним 1925–1929 гг.

² Feuchtwanger an Gesellschaft für kulturelle Verbindung der U.d.S.S.R., 7.11.1941. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 98. Л. 3. Маш. коп. Перевод мой.

³ Feuchtwanger an Zweig. American Export Lines, on Board S.S. Excalibur, 27.9.1940 (*Lion Feuchtwanger — Arnold Zweig. Briefwechsel 1933–1958*. In 2 Bdn. Bd. 1: 1933–1948. Frankfurt/M., Fischer Verl., 1986. S. 219).

⁴ Ibid.

⁵ Лола Сернау (Lola Sernau, 1895–1990) работала у Фейхтвангера в 1926–1940 гг., после его бегства в США также планировала переезд в Америку, однако так и не смогла выехать из Европы.

⁶ Feuchtwanger an Zweig. New York, 29.12.1940 (*Lion Feuchtwanger — Arnold Zweig*. Bd. 1. S. 222).

В каком-то смысле это было *возвращение* Лиона Фейхтвангера: известие о назначении Гитлера рейхсканцлером настигло писателя во время его предыдущего, творческого турне по Америке (1932–1933), и он имел возможность обосноваться в США еще зимой 1933 г. 30 января 1933 г. застало писателя в Вашингтоне. Эти дни окончательно определили его политическую репутацию, вспоминал Фейхтвангер. Немецкий посол в США⁷, который совсем скоро откажется из протеста против нового правительства от своего поста,

даст в честь меня званый обед, на котором присутствуют многие официальные лица Вашингтона, и чествует меня как единственного представителя немецкой культуры. На следующий день все немецкие газеты ожесточенно на меня нападают, и меня официально объявляют предателем и врагом Отечества⁸.

В ходе зимнего турне 1932–1933 гг. писатель встречался с

бесконечным числом представителей всех воззрений и всех социальных слоев. Встречался несколько раз с миссис Рузвельт, государственными чиновниками всех мастей, губернаторами нескольких штатов, посетил Тома Муни⁹ в тюрьме Сан-Квентина. Беседовал с ведущими писателями страны, ведущими правозащитниками и ведущими промышленниками¹⁰.

Однако каждый раз, когда он «указывал на опасность Гитлера, ответом было вежливое недоверие»¹¹.

Тем не менее для английского и американского читателя Фейхтвангер всегда оставался автором любимого романа «Еврей Зюсс»,

⁷ Карл Максимилиан Фридрих-Вильгельм фон Притвиц и Гафрон (Karl Maximilian Friedrich-Wilhelm von Prittwitz und Gaffron, 1884–1955) был послом в США с 1927 г. по 15 апреля 1933 г.

⁸ Feuchtwanger an Kantorowicz, 16.1.1943, New York (Feuchtwanger, Lion. *Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. In 2 Bdn. Hrsg. V.H. Hofe. Berlin: Aufbau, 1991. Bd. 2. S. 203).

⁹ Томас Джозеф Муни (Thomas Mooney, 1882–1942) — активист рабочего и профсоюзного движения США, один из самых известных политических заключенных в Америке.

¹⁰ Feuchtwanger an Kantorowicz, 16.1.1943, New York. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 2. S. 203).

¹¹ Ibid.

в честь которого однажды в Лондоне сам «барон Ротшильд [...] устроил прием»¹². Роман «Еврей Зюсс» (*Jud Süß*, 1925), переведенный на английский язык и напечатанный в США “The Viking Press” в 1926 г. под названием *Power* («Власть»), прославил Фейхтвангера на долгие годы, поэтому в 1933 г. писатель, если бы не предпочел перебраться во Францию, мог рассчитывать и на признание, и на комфортную жизнь в американской эмиграции. Соответственно, Генрих Манн не так сильно преувеличивал, когда называл Фейхтвангера «американским автором», публика которого «в Соединенных Штатах с удивлением постигала историю по его романам»¹³. Учитывая политическую непоколебимость¹⁴ друга СССР, можно не сомневаться в том, что океан не стал бы препятствием для его приезда на антифашистский Парижский конгресс в 1935 г., а затем и в Москву из далекой Калифорнии. В любом случае через семь лет после первого турне Америка встретила собеседника Сталина и автора травелога «Москва 1937» (также изданного в Нью-Йорке “The Viking Press”), из-за которого, как полагала Марта Фейхтвангер, они не получили американского гражданства¹⁵, без распростертых объятий, но в целом гостеприимно.

Писатель никогда не забывал, что в его спасении участвовало много американцев. Его бегство из Франции, организованное и детально описанное Мартой Фейхтвангер (*Nur eine Frau*, 1983), увенчалось успехом в том числе благодаря вмешательству президента Рузвельта: Б. Хьюбш, руководитель “The Viking Press”, получив от анонимного отправителя фото Фейхтвангера за колючей проволокой Ле-Милля, сразу обратился за помощью к Э. Рузвельт, супруге президента, «который тотчас же отдал необходимые распоряжения»¹⁶. За злключениями знаменитого писателя начала следить американская пресса, газеты спешили сообщить реальные и ложные вести: «Спасенный Фейхтвангер в Лиссабоне» (*New York Times*, 26.6.1940, vol. 30, no. 104), «Фейхтвангер схвачен нацистами» (*New York Times*, 10.7.1940, vol. 30, no. 118), «Фейхтвангер в Берлине. Все еще задержан полицией, обе-

¹² Feuchtwanger, Marta. *Nur eine Frau*. München, Wien: Langen, Müller, 1983: 193.

¹³ Mann, Heinrich. *Ein Zeitalter wird besichtigt*. Berlin, Weimar: Aufbau Verl., 1973: 439.

¹⁴ См. Marcuse, Ludwig. *Mein zwanzigstes Jahrhundert. Auf dem Weg zu einer Autobiographie*. Zürich: Diogenes, 1988: 184, 185.

¹⁵ Feuchtwanger, Marta. *Nur eine Frau*: 260.

¹⁶ *Ibid.*: 291.

зглавливание в Париже опровергнуто» (*New York Times*, 19.9.1940, vol. 30, no. 189), «Побег, описанный Фейхтвангером: похищен американцами, переодет в женскую одежду, чтобы уйти от нацистов» (*New York Times*, 6.10.1940, vol. 30, no. 206), наконец, «Мистер Лион Фейхтвангер рассказывает о своем творчестве. Автор *Power* прибыл сюда после побега из концентрационного лагеря» (*New York Times*, 20.10.1940, vol. 30, no. 220).

Весь октябрь 1940 г. фотографии и высказывания Фейхтвангеров появлялись в местной прессе, писателю с первых дней новой эмиграции пришлось давать многочисленные интервью — и как беженцу, и как романисту с мировым именем, и как другу Советского Союза. Прибыв в Америку 5.10.1940 г., Фейхтвангер заявил:

Это было гротескно. Французы затащили меня в концлагерь, так как я был немцем, а в это время британские самолеты, летавшие над Германией, сбрасывали пропагандистские листовки с цитатами из моих антинацистских произведений. Отношение к эмигрантам свидетельствует о сильных фашистских тенденциях французского правительства [...]¹⁷.

К вниманию со стороны СМИ автор романа *Power* относился с привычным спокойствием, однако совершенно не был готов к тому, что его медийный образ в США будет настолько отличаться от реального.

В первой половине октября 1940 г. в *Time Magazine*, вспоминала Марта Фейхтвангер, была напечатана «отвратительная клевета на Лиона», искажавшая смысл того «фрагмента из “Москвы 1937”, в котором говорилось о нерешительности западных стран (имелась в виду Западная Европа) в отношении к фашизму»; кроме того, автор статьи был уверен в связи Фейхтвангера с гестапо, что обесценивало усилия американского президента. На помощь «не говорившему бегло по-английски Лиону»¹⁸ снова пришел издатель Хьюбш: 17 октября 1940 г. в роскошном нью-йоркском отеле “Commodore” был организован благотворительный обед (Pan-American Dinner), в котором приняли уча-

¹⁷ *Peoples World*, San Francisco, 11.10.1940. Цит. по: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 40. Л. 3. (Документальная сводка Иностранной комиссии Союза советских писателей «Материалы об эмигрировавших из Европы в США деятелях искусства и науки».)

¹⁸ Feuchtwanger, Marta. *Nur eine Frau*: 309.

сти американские издатели, писатели, а также их коллеги-эмигранты (в том числе были анонсированы выступления писателей Генриха Манна и Франца Верфеля) и на котором Фейхтвангер должен был дать ответное интервью. Несмотря на то что на обеде было собрано пятнадцать тысяч долларов, переданных на спасение немецких писателей от нацистов, а после мероприятия были опубликованы новые интервью с Фейхтвангером, он так и не решился поблагодарить президента или его супругу лично¹⁹.

THE NEW YORK TIMES BOOK REVIEW, October 23, 1940.

Mr. Lion Feuchtwanger Talks of His Work

The Author of "Power" Arrives Here After an Escape From a Concentration Camp

By ROBERT VAN GELDER

IN the 1920's—from 1925 to 1929—Lion Feuchtwanger translated his name into J. L. Wetcheek and contributed to the Berliner Tageblatt a series of more or less gentle satires on Americanization. One trifle of a lyric ran:

*The quets law keeps out the undesirable effectively,
Oh! Boy!
The Nordic strain is organized,
and sells ideas collectively,
Sweet Home!*

The Wetcheek squibs were translated by Dorothy Thompson and published under the title "Pep," in the Summer of 1929.

Mr. Feuchtwanger was again Mr. Wetcheek when he arrived in this country a week ago Saturday aboard the American Export liner Excalibur. It had not been considered safe for him to travel under his own name. Americans had snatched him from the bathing place of a huge French concentration camp, dressed him in woman's clothing, and by various ruses had helped him across frontiers to Lisbon. There an American woman had given up her passage so that he might escape to this country. So it was as Mr. Wetcheek that he smiled from the promenade deck of the Excalibur and watched the customs cutter draw alongside.

American Writers, who had come down on the cutter, would hastily interpose with: "That's all he'll say on that subject. He prefers to leave his statement enigmatic."

Out on the deck a pair of small children gambled around to express their recognition of the Statue of Liberty, which they had seen in pictures.

When the news interviews were over Mr. Feuchtwanger talked of his work. "I have to write fourteen more books," he said. "Yes; I must. It is necessary to write fourteen more books before I die." He said that he believes that he has evolved a new method for writing the historical romance.

"My historical novels are essentially political novels. I am not interested in history for itself. I am a poet, and when I need to describe a chair of the eighteenth century or a costume of the second century I make my description accurate. But the pageantry and costume of older days reach my books only by accident. It is my attempt to use only those aspects of history that have meaning for us today, that are alive today, and that may help us in our modern course. It is my belief that the psychology of people has not changed in 2,000 years, and that the men of yes-

The New York Times Studio.
Lion Feuchtwanger.

Большая статья в *New York Times Book Review*²⁰, появившаяся через несколько дней после обеда в "Commodore Hotel", как и планировалось, представляла автора романа *Power* в наиболее привлекательном для американской общественности образе: упоминались его ранние шуточные стихотворения²¹, посвященные американскому

¹⁹ Позднее это сделала Марта Фейхтвангер, которая состояла в непродолжительной переписке с Э. Рузвельт.

²⁰ van Gelder, Robert. "Mr. Lion Feuchtwanger Talks of His Work. The Author of *Power* Arrives Here after an Escape from the Concentration Camp." *New York Times Book Review* 30, no. 220 (20.10.1940): 94.

²¹ PEP. J.L. Wetcheek's *American Song Book*, illustr. by Constantin Aladjalov. New York: The Viking Press, 1929. (ПЕП. Книга американских стихов Дж.-Л. Уэтчика.

менталитету и переведенные на английский язык знаменитой Дороти Томпсон, собственно роман *Power*, подробности жизни на переполненном беженцами лайнере, а также ряд смелых заявлений. Свое мнение об исходе войны писатель выразил коротко и таинственно (“enigmatic”): «Гитлер уже проиграл!». Творческие планы Фейхтвангер облек в конкретное число произведений: «Да, я должен. Необходимо написать еще четырнадцать романов, прежде чем я умру» (в США Фейхтвангер написал семь крупных романов и две пьесы). Он обратил внимание на применение нового метода при написании исторических романов («Меня не интересует история сама по себе»), которые в его случае — романы политические, но с «аккуратно выписанными деталями» и «использованием исторической техники» («Я смотрю на современность с позиции человека, который живет сто лет спустя. И я стараюсь показать великие движения так, как они могли бы быть увидены человеком будущего»).

Статья вызвала большой резонанс, в том числе за пределами США (именно эта статья, переведенная на немецкий язык — по всей видимости, кем-то из немецких писателей-эмигрантов, живших во время войны в СССР, — сохранилась в архиве Иностранной комиссии Союза советских писателей)²². Но последовали и неожиданные реакции. Газета *Philadelphia Ledger* опубликовала на следующий день, 21 октября 1940 г. весьма критический взгляд на откровения спасенного писателя: Фейхтвангер, с точки зрения автора статьи, показал себя легкомысленным болтуном и нанес непоправимый вред многим немецким и австрийским беженцам, а также задействованным в их спасении структурам:

[...] на французско-испанской границе появились немецкие военные и начали обыскивать все места, упомянутые в интервью. Французские служащие были заменены на границе надежными людьми. Это была катастрофа для беженцев, ожидавших в Марселе удобного момента для пересечения границы; на прошлой неделе все их попытки остались без результата [Heusler 2014: 470].

В изд. на рус. — перевод Л. Гинзбурга). Впервые были напечатаны в берлинской газете в якобы переводе Фейхтвангера. Американское издание иллюстрировал эмигрировавший из России К.И. Аладжалов.

²² Материалы об эмигрировавших из Европы в США деятелях искусства и науки. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 40. Л. 3.

Фейхтвангер получил эту газету лишь 26 октября 1940 г. и был потрясен. Одиозная роль, приписываемая автором статьи в *Philadelphia Ledger* немецкому антифашисту, не имела ничего общего с реальным положением дел. Еще не зная, как относиться к такого рода обвинениям, писатель сразу обратился в Комитет спасения (Emergency Rescue Committee), оказывавший помощь немецким авторам-эмигрантам. В письме Фейхтвангер подчеркнул, что он, «прибыв в Нью-Йорк, действовал строго в соответствии с указаниями» представителей Комитета в Марселе, и все его заявления, таким образом, заранее были продуманы, а «определенные высказывания о деталях побега» должны были «скорее помочь общему делу, чем навредить ему»²³. В любом случае никто не возражал против новой книги, над которой писатель как раз в это время начал работать, — воспоминания о жизни во французских лагерях. Его при этом не могли остановить ни отсутствие рабочего кабинета (в него был превращен номер отеля “St. Moritz”, снятый для писателя Хюбшем), ни отсутствие проверенной временем помощницы Лолы Сернау (она так и не смогла выехать в США, однако Фейхтвангер нашел нового секретаря — эмигрантку и поклонницу своего творчества Хильде Вальдо²⁴). Произведение было сразу переведено на английский язык и напечатано уже в ноябре 1941 г. издательством “The Viking Press” под названием *The Devil in France* — «Черт во Франции» (изначально — *Unholdes Frankreich* — «Негостеприимная Франция»; под этим названием книга была издана мексиканским эмигрантским издательством “El Libro Libre”; но позднее название для немецкого издания было заменено также на *Der Teufel in Frankreich*).

В дальнейшем пресса отзывалась о писателе более позитивно, но заметно минимизируя его политический вес. Одни корреспонденты превозносили его жизнерадостность (“cheerful”) и даже готовность смеяться вопреки пережитому: «Его часто подавляемый смех действовал заразительно. В отличие от многих сознательных интеллектуалов, он не углубляется в дебри своего ума. Напротив, он чуткий, любопытный, готовый отвлечься»²⁵. Перед другими писатель представал

²³ Feuchtwanger an F. Kingdon. New York, 26.10.1940. www. <https://kuenste-im-exil.de/KIE/Content/EN/Objects/feuchtwanger-brief-erc-en.html?single=1>.

²⁴ Хильде Вальдо (Hilde Waldo, 1906–1994) въехала в США в 1940 г., работала с Фейхтвангером до конца его жизни и далее помогала Марте Фейхтвангер на вилле «Аврора». Секретарь был необходим, т. к. Фейхтвангер диктовал свои произведения на всех стадиях работы над ними.

²⁵ “Exiles at Home in New York.” *The New York Times Magazine* (19.1.1941): 17.

в более строгом, но столь же деполитизированном образе — как «маленький человек, очень низкого роста и очень худощавый, более согбенный, чем это можно было бы ожидать в его 56 лет — согбенный, так как он склоняется над книгами, во время чтения или написания»²⁶. Газеты охотно подчеркивали, что, по словам писателя, творчество для него важнее любых публичных выступлений и статей: «Единственное, чего хочет Лион Фейхтвангер, — это найти скромное убежище («little bungalow»), предпочтительно в Калифорнии, где он мог бы скрыться (“dig in”) от всех и работать над своими романами»²⁷.

После официального въезда в США через Мексику в начале 1941 г., как того требовал американский закон о предоставлении вида на жительство политическим беженцам, Фейхтвангеры остались в Лос-Анджелесе, где большая эмигрантская колония напоминала писателю «гигантский Санари»²⁸. Там, рядом с «фабрикой грез», к этому времени уже обосновались многие немецкие и австрийские известные авторы (среди них и прежние соседи по французской Ривьере), в том числе Томас Манн, Франц Верфель, Альфред Дёблин, Людвиг Маркузе, близкий друг Фейхтвангера Генрих Манн, которому Фейхтвангер также помог бежать из Франции и который прибыл (благодаря своему чехословацкому паспорту) в США немного раньше. Переезд в Америку также планировали друзья писателя Арнольд Цвейг и Бертольт Брехт, коллега по цеху Анна Зегерс, в итоге попавшая из Франции в Мексику, — однако реализовать свои планы по переселению смог лишь Брехт²⁹.

Несмотря на то, что после подписания советско-германского договора в августе 1939 г. и до нападения Германии на Советский Союз антифашистские круги с разочарованием и настороженностью наблюдали за развитием политических событий, а многие писатели-эмигранты и вовсе отошли от своей просоветской позиции (Томас Манн, например, в 1939 г. отказался от звания почетного президента Лиги американских писателей); несмотря на очевидную готовность американской прессы напоминать о наивном политическом мышлении писателя, Фейхтвангер продолжал сохранять симпатию к Москве.

²⁶ “Feuchtwanger, Refugee from Europe, Gives First Interview on World Affairs.” *LA Times* (21.3.1941): 47 (Part II, p. 12).

²⁷ “Exiles at Home in New York”: 17.

²⁸ Feuchtwanger an Zweig. Pacific Palisades, 9.7.1941. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 231).

²⁹ Брехтов в порту встретили Марга Фейхтвангер и актер А. Гранох.

Получив постоянный адрес, он сразу попытался наладить контакт с советским издательством. Его друзья поддерживали регулярную переписку с Т. Рокотовым, редактором журнала «Интернациональная литература», однако сам Фейхтвангер оказался в общении с Москвой менее успешен. В марте 1941 г. он обратился за помощью к коллеге и другу, писателю-эмигранту чешско-немецкого происхождения, находившемуся в постоянном контакте со Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС) и Иностранной комиссией Союза советских писателей Францу К. Вайскопфу (Franz Carl Weiskopf, 1900–1955). Фейхтвангер как раз закончил третью часть трилогии об Иосифе Флавии, роман «Настанет день» (*Der Tag wird kommen*), и ему было важно, чтобы книга была издана на русском языке. «Есть ли возможность, — интересовался автор, — передать мой адрес Государственному издательству³⁰ и попросить связаться непосредственно со мной?»³¹ Вайскопф, обсудив дело с коллегой, который «регулярно подбирал для издательства за океаном книги и манускрипты»³², предупреждал, что потребуются некоторое терпение (при жизни автора роман так и не был издан в русском переводе).

В те же дни, одновременно с попыткой пристроить в советском издательстве новую книгу, «знаменитый романист и еврейский интеллектуал»³³ дал интервью газете *Los Angeles Times* о своем понимании отношений между Третьим рейхом и СССР. Фейхтвангер, осознавая риски открытой просоветской позиции, заявлял о ней, тем не менее, прямо и однозначно. Его не смутила попытка корреспондента свести национал-социализм и коммунизм к общему социалистическому знаменателю, в конце беседы писатель вывел простую формулу своего «политического кредо» (political belief): «Я друг каждого, кто против Гитлера; каждый, кто за Гитлера, мой враг».

Я ездил в Москву и беседовал со Сталиным. Мы говорили два часа; я немного говорю по-русски. Это было то время, когда только-только приняли новую русскую конституцию. Мне было интересно, что она из себя представляла. Она действительно была социалистической.

³⁰ Имеется в виду ГИХЛ, Гослитиздат.

³¹ Feuchtwanger an Weiskopf, Los Angeles, 12.3.1941. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 2. S. 46).

³² Weiskopf an Feuchtwanger, 19.3.1941. (*Ibid.* Bd. 2. S. 47).

³³ “Feuchtwanger, Refugee from Europe, Gives First Interview on World Affaires”: 36 (Part II, p.1).

Los Angeles Times

FRIDAY MORNING, MARCH 21, 1941.

IN THREE PARTS — 48 PAGES

Part II — LOCAL NEWS — 12 Pages

TIMES OFFICE

282 West First Street

CITY NEWS—EDITORIAL—SOCIETY

Death Calls Noted Editor

Bailey Millard of 'Times' Had Long Career With Papers and Magazines

Bailey Millard, 81, writer for The Times for the past 17 years and a former editor of metropolitan newspapers and national magazines, died yesterday of a cerebral hemorrhage.

Millard, author of numerous books and hundreds of articles, was active until a few hours before his death. One of his signed editorials appeared yesterday in The Times.

RECOGNIZED POET

He died at the home of a daughter, Mrs. L. W. Dwigins of 2098 Lockley Place.

Of all his rich literary career Millard liked best to recall that as an editor in San Francisco he gave Edwin Markham his break by publishing "The Man With the Hoe."

As city editor of the old San Francisco Call he also set Joaquin Miller on the road to fame.

VERSATILE WRITER

In The Times, although his own versatile pen touched every subject, he took keenest interest in his jingles and rhymes on current events. Annually on Dec. 31 he presented his "Highlights" of the year in hilarious verse.

Born in Marquette, Wis., Oct. 2, 1859, Millard was educated in Minnesota. Here, too, he learned the lore of printing—open sesame travel in those days of barnstorming printers.

It was as a printer that he first arrived in San Francisco and landed a job. Before long, however, he was city editor of the Call.

MAGAZINE EDITOR

In 1902 he became city editor of the San Francisco Examiner and subsequently literary editor of that newspaper until 1902.

Feuchtwanger, Refugee From Europe, Gives First Interview on World Affairs

FIND QUIETNESS HERE—Lion Feuchtwanger, famed Jewish writer of Germany, and his wife Marta, shown at ease in their new American home in winding canyon.

Haven Found in Southland

Noted Novelist and Jewish Intellectual Now Here With Wife

Now Lion Feuchtwanger, German novelist, turns up in Southern California. For the first time since his escape from Nazified France he gave his extraordinary views on world political affairs—quite different from those of most European emigres of whatever political faith.

The Jewish intellectual, who escaped from a concentration camp with the aid of undisclosed American friends, arrived in New York in October, remained there a few months, went to Mexico for a week so he could re-enter technically under a quota. He reappears here in a scene of striking contrast.

In a handsome house on a winding canyon road near Santa Monica he was found dictating to a pretty secretary. His athletic wife, who takes sport and lets her husband have literature all to himself, had just returned from a skiing trip to Lake Arrowhead.

DETOUR FOR HISTORY

She had been in a woman's concentration camp and proudly tells how she was an overseer. Their new American home, where they have been for only two weeks, is furnished in

Изменилось ли мое мнение? Что я думаю о русско-германском пакте? Ах, это все такие деликатные вопросы. Вы должны помнить, что пакт был необходим лишь для нападения. [...] Я не могу поверить, что Россия — союзник нацистов. С какой стати? В России много еврейских беженцев; много евреев в русском правительстве. Нет, они не союзники. Они ими не могут быть, потому что в России социализм, а Германия реакционна, в ней до сих пор преимущественно капитализм. Я осознаю, что многие с этим не согласятся³⁴.

Америка, действительно, с этим не согласилась. На следующий день, 22 марта 1941 г., та же газета *Los Angeles Times* с едкой снисходительностью прокомментировала «ошибочные представ-

³⁴ Ibid.: 47 (Part II, p.12).

ления Фейхтвангера» о разнице между национал-социализмом и коммунизмом:

Лион Фейхтвангер, один из последних беженцев, спасшийся от нацистов в Голливуде, кажется, до сих пор принимает притворство России за реальность и видит принципиальное отличие режима Гитлера от режима Сталина. [...] По его мнению, тот факт, что Сталин сделал себя Царем, не мешает России быть социалистической.

Ошибка, возможно, совершенно естественна для человека, погруженного в мир философии и идей. [...] Ни Гитлер, ни Сталин не ушли далеко от идеалов Аль Капоне. Фейхтвангер недостаточно хорошо знаком с типажом Аль Капоне, чтобы суметь его распознать³⁵.

Интересно, что, в свою очередь, советские структуры не спешили после двусмысленной кампании «Анти-Жид»³⁶ 1937 г. [см. Добряш-кина 2021] принимать в его судьбе какого-либо участия. В отличие от Иоганнеса Р. Бехера, председателя Немецкой секции Союза советских писателей, который написал Фейхтвангеру сразу после его прибытия в Америку («С большой радостью мы все³⁷ узнали, что Вы добрались до США»³⁸), ВОКС направило ему письмо почти через год. М.Я. Аппетин, заместитель председателя Иностранной комиссии ССП, старавшийся с началом Второй мировой войны активно поддерживать контакты с немецкими писателями-антифашистами и давно знавший Фейхтвангера, казалось, не находил времени, чтобы поприветствовать недавнего гостя Советского Союза. И даже когда в 1941 г. они оба, и Аппетин, и Фейхтвангер, были в равной мере обеспокоены судьбой Бертольта Брехта, пытавшегося через СССР попасть в США из Финляндии, контакт налажен не был. В письмах Брехту Аппетин уверял драматурга, что деньги на переезд его семейства будут найдены, а Фейхтвангер настаивал на использовании для оплаты дороги

³⁵ Feuchtwanger's Ideas." *LA Times* (22.3.1941): 60.

³⁶ Поездка Фейхтвангера в СССР во время скандала вокруг критического травелога Андре Жиды. Выражение впервые появляется в статье публициста-эмигранта Л. Шварцшильда: Schwarzschild L. Feuchtwangers Botschaft. *Das Neue Tage-Buch* 31 (31.7.1937): 730–734.

³⁷ Имеются в виду немецкие писатели-эмигранты, переехавшие в 1933–1935 гг. в Москву и составлявшие Немецкую секцию при Союзе советских писателей.

³⁸ Becher an Feuchtwanger, Moskau, 27.11.1940. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 264).

до Владивостока своего собственного советского банковского счета³⁹, обещая «разрешить этот вопрос здесь через советское консульство»⁴⁰. Забегая вперед, следует заметить, что с советскими дипломатами в США — Г.М. Хейфецом и Я.М. Ломакиным⁴¹ — Фейхтвангер был лично знаком и не раз с ними встречался, в том числе для передачи через консульство своих книг для издания их в СССР.

Начало войны с Советским Союзом для Фейхтвангера, как и для большинства эмигрантов-антифашистов, стало обнадеживающей новостью. Уже через несколько дней после нападения Германии Фейхтвангер сообщал Вайскопфу: «Нет необходимости Вам говорить, как меня порадовали русские дела (“russische Dinge”）」⁴², а в письме А. Цвейгу он с облегчением признавался:

Ситуация с моими собственными внутренними делами вполне хороша. Нет необходимости Вам рассказывать, какие трудности мне пришлось преодолеть по причине того, что я остался при своем мнении о русских, и из-за этого очень многие очень часто проявляли ко мне враждебность. Сейчас, когда мое общее представление оказалось верным, они изворачиваются, как могут, достаточно забавно, но по большей части отвратительно⁴³.

Эмоциональный подъем Фейхтвангера, вполне объяснимый, все же удивлял его корреспондентов, для которых война с Россией «была, тем не менее, шоком»⁴⁴. «Жертвы будут чудовищны, и любая радость, — замечал Вайскопф в ответ на письмо Фейхтвангера, — по этой причине разбавлена каплей горечи»⁴⁵.

³⁹ Речь шла о сумме в 18.000 рублей. См.: Брехт – ГИХЛ, б.д. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 459. Л. 3. Маш. коп., пер. с нем.

⁴⁰ Фейхтвангер — Брехту, Лос-Анджелес, 12 марта 1941. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 459. Л. 9. Маш. коп., пер. с нем.

⁴¹ Г.М. Хейфец — вице-консул генконсульства СССР в Сан-Франциско (1941–1944); Я.М. Ломакин — вице-консул СССР в Нью-Йорке (1941–1942), генконсул СССР в Сан-Франциско (1942–1944), а затем генконсул СССР в Нью-Йорке (1946–1948).

⁴² Feuchtwanger an Weiskopf, Pacific Palisades, 24.6.1941. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 53).

⁴³ Feuchtwanger an Zweig, Pacific Palisades, 9.7.1941. (Ibid. Bd. 1. S. 231).

⁴⁴ Weiskopf an Feuchtwanger, New York, 4.7.1941. (Ibid. Bd. 1. S. 55).

⁴⁵ Ibid.

В Москву из США в поддержку советского народа были отправлены телеграммы, после чего «высказывания Фейхтвангера [...] и других писателей, проникнутые уверенностью в конечной победе союзных демократических стран над разбойничьими фашистскими бандами, были опубликованы»⁴⁶ в советской прессе. В июльском выпуске (15.07.1941) американского прокоммунистического журнала *New Masses* Фейхтвангер, словно предвидя скорое заключение союза между СССР и США, сделал акцент на антисоветских и антиамериканских предубеждениях, которые двум народам надлежало теперь преодолеть:

[...] Когда я приехал в Америку, я был изумлен, что вопреки очевидным фактам там распространяется столько лживых измышлений о СССР. В настоящий момент этой злобной клевете нанесен удар. Война открыла глаза многим американцам, которые не видели или не хотели видеть правду. События заставляют людей более внимательно приглядываться к Советскому Союзу, хотя некоторые это делают не совсем охотно и не без усилий. А советский народ может только выиграть от внимательного изучения.

В Советском Союзе тоже нередко встречались предвзятые мнения о США. Однако общий враг, общая борьба заставляют и США, и Советский Союз взглянуть друг другу в лицо. Теперь оба народа будут судить друг о друге по фактам, а не по ходячим мнениям, и это прекрасно. [...] Мужество, с которым советские народы защищают свою родину и свои идеалы (даже враги вынуждены признать это), произвело глубокое впечатление на американцев. Речи Сталина, их смелый и простой реализм составляют яркий контраст с бессвязной болтовней взбесившихся фашистских руководителей. (В оригинале: “the drivel handed out by the fascist leaders.”— *A.B.*). Убеждение, что борьба народов Советского Союза есть и борьба за безопасность Америки — убеждение, выраженное в заявлениях американского правительства, — быстро распространяется в американском народе, и вместе с этим растет его готовность оказать помощь, растет твердая уверенность в окончательном исходе борьбы против фашизма⁴⁷.

⁴⁶ Канторович — ВОКС. Нью-Йорк, 2.12.1941. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 98. Л. 10. Маш. коп., пер. с нем.

⁴⁷ Цит.: Анкета «Нью Мэссес» // Интернациональная литература. 1941. № 9–10. С. 262. В преамбуле допущена неточность: высказывания «видных американских деятелей, а также находящегося в США Лиона Фейхтвангера»

«Твердая уверенность в окончательном исходе борьбы» не покинула Фейхтвангера, все еще ожидавшего разблокировки своих банковских счетов и «воспринимавшегося то как француз, то как немец»⁴⁸, даже когда газеты начали передавать тревожные новости с Восточного фронта. «Рассказы Брехта о России, — писал Фейхтвангер А. Цвейгу о драматурге, прибывшем, наконец, 21 июля 1941 г. в Лос-Анджелес, — звучат весьма оптимистично. Когда Вы получите это письмо, как раз будет ясно, было ли его впечатление правильным»⁴⁹. Брехт, в свою очередь, констатировал в своем «Рабочем журнале» 27 октября 1941 г.: «Фейхтвангер выказывает чрезвычайное удивление, если кто-то сомневается в том, что русские еще могут победить. Такие сомнения кажутся ему чистым безумием. Я очень рад»⁵⁰.

Заявление Фейхтвангера, опубликованное 15 июля 1941 г. в *New Masses*, не осталось незамеченным московскими друзьями: скорее всего, напористость, с которой Фейхтвангер по-прежнему готов был «вступаться за Советы»⁵¹, послужила для советской стороны стимулом для осторожного возобновления с ним общения, которое едва ли можно назвать творческим. 20 августа 1941 г. после долгого перерыва в корреспонденции ВОКС отправило письмо в Калифорнию, а осенью 1941 г. высказывания Фейхтвангера появились в советском журнале «Интернациональная литература»⁵².

Получив в начале ноября 1941 г. московское письмо вежливости с вопросами о литературных успехах и планах, Фейхтвангер ответил содержательным текстом, который можно считать образцом типичной фейхтвангеровской прозы. Письмо, посвященное, на первый взгляд, теме творчества, в действительности заявляло о несогласии Фейхтвангера с установившимся стилем отношений с Москвой, это

были опубликованы не 22 июля 1941 г., а 15 июля 1941 г. См.: *New Masses* 40, no. 3 (15.7.1941): 13.

⁴⁸ Feuchtwanger an Zweig. Pacific Palisades, 25.7.1941. (*Briefwechsel 1933–1958*. Bd. 1. S. 234).

⁴⁹ Ibid. S. 235.

⁵⁰ Brecht, Bertolt. *Arbeitsjournal*. In 2 Bdn. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verl., 1973. Bd. 1. S. 309.

⁵¹ Цитата из письма Фейхтвангера Генриху Манну об издании травелога «Москва 1937»: «Естественно, немцы кричат, что я был подкуплен. Ах, если бы они знали, как в любом отношении дорого приходится платить за то, чтобы вступаться за Советы». Санари, 10.8.1937. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 312).

⁵² Анкета «Нью Мэссес» С. 262.

была своего рода нота протеста. Перечисление произведений (второй и третий роман трилогии «Изгнание») говорило не о факте их готовности, а о досаде автора на то, что они не были напечатаны на русском языке из-за очевидного снижения в СССР интереса и доверия к писателю. Далее в качестве предыстории создания автобиографической книги «Черт во Франции» Фейхтвангер ссылаясь на свои недавние злоключения. Однако с долей разочарования и даже каплей желчи писатель реагировал не на «последние годы ужаса во Франции»⁵³, а на бездействии советских друзей и их последовавшее молчание, при этом не упоминая, но тем не менее подогревая советско-американское противостояние:

Как вам, по-видимому, известно, я был интернирован французскими фашистами прежде всего за мое дружеское отношение к Советскому Союзу. Я провел месяцы во французском концентрационном лагере и лишь в последнюю минуту был спасен моими американскими друзьями от захвата немцами.

Обозначив двойной болезненный момент: непростые отношения с Москвой и советско-американскую конфронтацию, — Фейхтвангер выражал надежду на издание книги «Черт во Франции».

Я написал о моих приключениях во Франции небольшую книгу, которая здесь, в Америке, выйдет в конце ноября. Рукопись книги на немецком языке, разумеется, в Вашем распоряжении⁵⁴.

Далее автор сообщал о недавно законченном романе «Настанет день», о котором за полгода до этого настойчиво просил походатайствовать Вайскопфа, и (расценив, видимо, молчание «Гослитиздата» как однозначный отказ) не поднимал вопроса о возможности ее издания.

Письмо имело также весьма двусмысленную заключительную часть: конвенциональная формула вежливости, заверявшая советского адресата в ностальгии по СССР, в действительности же напоминала сведущим лицам (а Фейхтвангер предполагал именно их в лице

⁵³ Kantorowicz an Feuchtwanger, 13.5.1942, New York. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 2. S. 197).

⁵⁴ Feuchtwanger an Gesellschaft für kulturelle Verbindung der U.d.S.S.R., 7.11.1941. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед.хр. 98. Л. 3. Маш. коп., пер. мой.

получателей) о его недооцененной спасительной миссии в медийной кампании «Анти-Жид»:

Я с радостью предаюсь воспоминаниям о том приятном времени, которое я провел в Вашем кругу более пяти лет тому назад, и я твердо рассчитываю вскоре снова увидеться с Вами в Москве, после достижения победы⁵⁵.

За непростым эпистолярным реверансом следовал пикантный постскрипtum, в трактовке которого нельзя было ошибиться. Он должен был, с точки зрения Фейхтвангера, восстановить былое доверие к нему советских друзей:

Осенью 1939 года я по просьбе одной из Ваших газет написал статью к шестидесятилетию Сталина и послал ее кружным путем в Москву. Я сильно опасаюсь, что статья не попала туда, а еще сильнее — что она была захвачена в моем доме во Франции полицией Виши. Но я надеюсь еще когда-нибудь разыскать рукопись этой статьи. Я старался тогда, в 1939 году, охватить все историческое значение Сталина, и у меня сложилось впечатление, что статья удалась⁵⁶.

Смелый выпад был замечен, безусловно, не только в Москве. До вступления США во Вторую мировую войну, запуска программы контроля за иностранными гражданами враждебных государств (Enemy Alien Control Program) и появления американского Управления цензуры (Office of Censorship), которое переводило на английский язык тонны эмигрантских писем, затрудняя их доставку, оставался еще месяц, однако американские спецслужбы следили за Фейхтвангером с первого дня его жизни в Америке. Дело Фейхтвангера в ФБР насчитывало к концу жизни писателя более 1000 листов [см. Stephan 1998: 145].

В начале ноября 1941 г. Фейхтвангер чувствовал настоящее воодушевление: помимо Москвы, которая наконец-то вышла с ним на связь, в соседней Мексике был выпущен первый номер эмигрантского журнала *Freies Deutschland*, что означало возобновление борьбы

⁵⁵ Там же. Дневники писателя и отчеты переводчицы скорее исключают «радостные воспоминания» (freudige Erinnerung) и «приятное время» (angenehme Zeit).

⁵⁶ Там же. Л. 5.

в среде немецких писателей за будущее Германии. Фейхтвангер, во-первых, направил в связи с годовщиной Октябрьской революции через нью-йоркское отделение ТАСС приветствие⁵⁷ советскому народу, которое было сразу без изменений опубликовано в «Правде»:

Борьба гитлеровского режима против Советского Союза является борьбой самой реакционной великой державы нашей планеты против самого прогрессивного государства. Кто на себе испытал блага и разумную силу Советского Союза и мрачную тупую силу фашистов, тот никогда не сомневался в исходе нынешней борьбы. В день годовщины русской революции мы счастливы констатировать, что, какой бы тяжелой ни казалась борьба, конечная победа Советов над нацистами несомненна⁵⁸.

А во-вторых, в первом же номере *Freies Deutschland* появилось поздравление Фейхтвангера, адресованное немецким писателям, которые продолжали антифашистскую деятельность в Мексике, — Анне Зегерс, Бодо Узе, Людвигу Ренну и другим:

С самого начала было ясно, что эта война ведется не между нациями, а между регрессивными и прогрессивными силами, между варварством и цивилизацией, средневековым экономическим укладом и разумным.

У многих, кто противился принятию этого простого факта, сейчас открылись глаза. Среди этих многих есть также крупные немецкие писатели.

Благодаря этому преображению в нас растет надежда, что Германия, выйдя из этой войны, будет не вторым Веймаром⁵⁹, а солидным домом для свободных и разумных людей⁶⁰.

⁵⁷ Приветственные телеграммы Л. Фейхтвангера и других писателей и общественных деятелей Америки, присланные в СССР в связи с 24 годовщиной Октябрьской революции. РГАЛИ Ф. 631. Оп. 13. Ед. хр. 25. Л. 3.

⁵⁸ Письмо Лиона Фейхтвангера // Правда. 04.11.1941.

⁵⁹ Имеется в виду Веймарская республика.

⁶⁰ "Lion Feuchtwanger. Ein Baustein." *Freies Deutschland*, no. 1 (November 1941): 3.

Неудивительно, что американская пресса сразу отреагировала на «растущую надежду» немецких эмигрантов. В журнале *Scoop* (*Formerly Friday Magazine*) в ноябре 1942 г. была напечатана статья о будущем правительстве Германии (Dan Gillmor. “Proposal for a German Victory Government”), которое должен будет возглавлять Генрих Манн, а «Лиону Фейхтвангеру, согласно этому плану, отводилась роль посла в Москве» [Kießling 1984: 333]. Кстати, участие Фейхтвангера в публикациях мексиканского журнала, имевшего скорее общественно-политическое, чем литературное направление, было минимальным.

Вступление США во Вторую мировую войну 8 декабря 1941 г. само по себе заметного впечатления на Фейхтвангера не произвело. Гораздо хуже были введенные с марта 1942 г. ограничения для «граждан враждебных государств» (*enemy aliens*), к которым теперь относились все немецкие писатели-эмигранты. Эти ограничения не позволяли им слушать радио коротковолнового диапазона, выходить из дома после восьми вечера и вообще «удаляться от места проживания дальше, чем на пять миль»⁶¹, что лишало «гигантский Санари» былой привлекательности: Фейхтвангер не мог больше встретиться, например, с Ремарком и Брехтом, поскольку «все трое жили в разных частях Лос-Анджелеса, а город очень большой»⁶². Кроме того, политические события, жаловался писатель в письме Цвейгу, затмили успех книги *The Devil in France*; впрочем, в его сетованиях по поводу изменившейся издательской ситуации для «наших книг» «здесь» нетрудно увидеть некоторое преувеличение, вызванное раздражавшим молчанием московских друзей и их нежеланием издавать произведения Фейхтвангера «там»:

Издание немецких антифашистских книг, имевших прекрасные перспективы, окончательно подорвано войной. Также переводы наших книг появляются здесь все реже. Моя последняя книга, *The Devil in France*, получила отличные отклики, однако самые важные рецензии, в *New York Times* и т. д., были напечатаны в день объявления войны, и книга практически ушла в тень⁶³.

⁶¹ “Lion Feuchtwanger. Some Useful ‘Enemy Aliens’ (*Letters to The Times*).” *New York Times* (11.5.1942): 14.

⁶² *Ibid.*

⁶³ Feuchtwanger an Zweig. Los Angeles, 21.1.1942. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 247). Помимо более ранних позитивных откликов в прессе, имеется в виду статья: Milos Safranek. “Feuchtwanger’s Pictures of France.” *NYT* 30, no. 633 (7.12.1941): 94.

1942 г. начался для Фейхтвангера с «луча света» и «настоящей радости»⁶⁴: ему были наконец-то доставлены из Португалии книги его роскошной французской библиотеки, необходимые для работы. В это же время он начал писать роман об астрологе Гитлера, получивший впоследствии название «Братья Лаутензак» (*Die Brüder Lautensack*, 1943). 5 февраля 1942 г. писателю было выдано американское удостоверение личности. Переписка с советскими коллегами стала более стабильной (каждое письмо, правда, проводило в пути не менее двух месяцев), но заинтересовать Москву хотя бы одним своим художественным произведением писателю не удавалось. Даже для автора политических романов, смотрящего на настоящее как будто из будущего, ситуация оставалась необъяснимой и неприятной. Фейхтвангер не читал советских газет, поэтому не знал, что «Правда» печатает его высказывания не только регулярно, но и придавая им особое значение, как слова практически единственного немецкого писателя и общественного деятеля, имеющего моральный и политический вес для советской аудитории. В центральной советской газете, которая до заключения договоров с союзниками не изобиловала приветственными телеграммами именитых писателей в адрес советского народа, живущий в Америке немецкий эмигрант был символом симпатизирующего Советскому Союзу западного мира.

Фейхтвангер все чаще отправлял телеграммы в СССР. 26 января 1942 г. в «Правде» появилось его новое заявление, большего объема и с более броским названием: «Победы советских войск подрывают гитлеровский режим. Лион Фейхтвангер о наступлении Красной Армии»:

Нью-Йорк, 25 января. (ТАСС). Известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер прислал в нью-йоркское отделение ТАСС следующую телеграмму из Санта-Моника (Калифорния, США): Правда о наступлении Красной Армии на германские линии не может быть более скрыта от немецкого народа, и хвастливая болтовня Гитлера о крушении Советского Союза будет для него иметь тем более тяжелые последствия [...].⁶⁵

⁶⁴ Ibid: 249.

⁶⁵ Правда. 26.1.1942. С. 4.

28 января 1942 г. Фейхтвангер получил телеграмму из Москвы, подтверждавшую доставку его первого, ноябрьского, письма и содер- жавшую просьбу отозваться на уничтожение фашистами культурных памятников в СССР для соответствующего издания ВОКС. Писатель охотно телеграфировал свое мнение насчет уничтожения немцами русской культуры («Глупцы по-детски считают, что могут уничтожить дух, разрушая дом. Они не понимают, что дух книги продолжает жить, даже если они исторгнут из мира бумагу, на которой напечатана книга, и дом, в котором жил автор»⁶⁶), однако в напечатанном виде его так и не увидел. Фейхтвангера продолжала заботить судьба его книг в рус- ском переводе. В Куйбышев, куда было эвакуировано ВОКС, писатель отправил раритетный, чуть ли не последний экземпляр голландского издания романа «Изгнание» (почти весь тираж был уничтожен при оккупации Голландии немецкими войсками) с пометкой:

Издатель, к сожалению, вычеркнул некоторые фразы, еще сильнее подчеркивающие веру юного Ханса в Советский Союз. Тем не менее, как мне кажется, образ молодого немца будущего, верящего в Совет- ский Союз, даже в этом виде получился довольно сильным и особенно актуален, возможно, именно сейчас⁶⁷.

Одновременно Фейхтвангер, исходя из опыта издания книги в Америке «в самое неудачное время, какое себе только можно пред- ставить»⁶⁸, выражал сомнение в том, что его книгу «Черт во Франции» стоит публиковать именно сейчас: его собственные злоключения, скромно объяснял причину автор, выглядят слишком ничтожными по сравнению с переживаемым советским народом. В то же время

⁶⁶ Feuchtwanger, Los Angeles — CULTSWIAS, Moskau. Telegramm. 30.1.1942. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед.хр. 98. Л. 13. Интересно, что в телеграмме очевиден постулат «рукописи не горят», высказанный, по легенде, испанским раввином XV в.

⁶⁷ Lion Feuchtwanger, Los Angeles, an die Gesellschaft für kulturelle Verbindung der U.d.S.S.R., Kouibichev, 30.1.1942. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед.хр. 98. Л. 12. Рус. пер. (И. Горкиной и Р. Розенталь) был выполнен еще до выхода нем. оригинала и параллельно печатался в 1938–1939 гг. в «Интернациональной литературе» и «Знамени» (публ. не была завершена из-за изменившихся установок после заключения советско-германского пакта о ненападении); в 1939 г. в ГИХЛ успело выйти и отдельное издание первых двух книг романа, причем Фейхтвангер в 1942 г. об этом еще не знал.

⁶⁸ Feuchtwanger an Weiskopf, Los Angeles, 18.12.1941. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 59).

третью часть трилогии об Иосифе Флавии «Настанет день» Фейхтвангер настойчиво предлагал перевести на русский язык: он отправил американское издание романа, называвшееся «Иосиф и император» (*Josephus and the Emperor*. New York: the Viking Press, 1942), поскольку «немецкий вариант еще не напечатан, а немецкой рукописи у него больше нет»⁶⁹. Ответ писатель ввиду военного времени должен был получить нескоро.

В начале марта 1942 г. ему совершенно неожиданно пришла посылка от Иностранной комиссии. Как Фейхтвангер понял из переписки с Вайскопфом, это была дежурная рассылка, и такие пакеты были отправлены многим немецким писателям. «Несколько дней назад были доставлены маленькие книжечки, которые в М[оскве] печатаются для новой категории читателей — военнопленных. Вы тоже такие получили?»⁷⁰ — интересовался Вайскопф у Фейхтвангера. «Те маленькие книжки из Москвы выслал мне Аппетин. Как-то у меня в гостях был советский консул из Сан-Франциско. Потом еврейский актер Михоэлс написал мне длинное письмо. В остальном же из Москвы никаких вестей»⁷¹, — разочарованно писал в ответ Фейхтвангер. Советским консулом мог быть Я.М. Ломакин, получивший свой пост как раз в феврале 1942 г., но скорее всего это был Г.М. Хейфец. По крайней мере, когда упомянутый актер и председатель созданного в это же время, в феврале 1942 г., Еврейского антифашистского комитета С. Михоэлс написал Фейхтвангеру длинное письмо с просьбой призвать всех евреев к бескомпромиссному противостоянию нацизму, растерявшийся Фейхтвангер сразу попросил совета у Хейфеца. Судя по обращениям в их корреспонденции: «Дорогой, уважаемый господин Хейфец» и «Дорогой друг Хейфец»⁷², — их отношения были достаточно теплые.

И Фейхтвангер, и Вайскопф сразу отправили ответные письма в Москву (ответ Вайскопфа из Нью-Йорка был получен в Москве в сентябре 1942 г., а письмо Фейхтвангера попало в руки Аппетина

⁶⁹ Lion Feuchtwanger, Los Angeles, an die Gesellschaft für kulturelle Verbindung der U.d.S.S.R., Kouibichev, 30.1.1942. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 98. Л. 12.

⁷⁰ Weiskopf an Feuchtwanger, New York, 7.3.1942. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 59).

⁷¹ Feuchtwanger an Weiskopf, Los Angeles, 17.3.1942. (*Ibid.* Bd. 1. S. 60).

⁷² См. письма: Feuchtwanger an Kheifets, Los Angeles, 23.3.1942. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 98. Л. 14. и Feuchtwanger an Kheifets, Los Angeles, 4.5.1942. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 98. Л. 15. маш. коп.

лишь 12 апреля 1943 г.). Поблагодарив Аплетина за брошюру (это была переведенная на немецкий язык история Кресмен Тэйлор «Адресат выбыл»⁷³), Фейхтвангер в свойственной ему манере «с радостью заметил», что в Москве «даже несмотря на войну, находят время переводить произведения на немецкий»⁷⁴. Осознавая эту возможность, Фейхтвангер недоумевал, почему не печатают *его* книги:

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне, как обстоят дела с моими книгами. Я, конечно, знаю, что у Вас есть дела более важные⁷⁵.

Письма Вайскопфа в Москву принадлежали к совершенно другому жанру: в этот раз писатель составил для Аплетина подробный отчет, в котором обрисовывал положение всех знакомых ему писателей-эмигрантов, в том числе и Фейхтвангера, и сообщал о важном событии эмигрантской жизни — учредительном созыве «Германо-американского чрезвычайного комитета» (German-American Emergency Conference) 1 марта 1942 г. в Нью-Йорке.

Проведенная в Нью-Йорке 1 марта German-American Emergency Conference была посвящена вопросам культуры. Писатели активно принимали участие в ее заседаниях. Делегаты представляли на этой конференции немецко-американские антинацистские организации, в состав которых входят более 50 000 человек. Культурная работа среди этих 50 000 проводится еще на самом примитивном уровне. Сейчас предпринимаются попытки организовать печатное объединение для издания свободной немецкой книги. Одновременно о такой же попытке сообщается из Мексики, возможно, оба проекта будут объединены. Таким образом, снова смогут издаваться немецкие антифашистские книги. Генрих Манн, Фейхтвангер и Брехт сочинили воззвание к немецкому народу. Планировалось прочитать его на конференции. [...] Брехт [...] участвовал в составлении упомянутого воззвания, хотя так же, как и Генрих Манн, не стал делать ни малейшего различия между немецким народом и нацистами⁷⁶.

⁷³ Kathrine Kressmann Taylor. Addresss unknown, 1938.

⁷⁴ Feuchtwanger an Apletin, Los Angeles, 10.3.1942. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.14. Ед. хр. 469. Л. 3.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Weiskopf — Apletin, New York, первая декада марта, 1942. Коп., ориг. передан Аплетину 15.9.1942. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 98. Л. 19.

Последнее замечание, касавшееся Г. Манна и Брехта и выгодно не затрагивавшее Фейхтвангера, очень существенно; вопрос, кто несет ответственность за преступления нацизма, обострялся по мере приближения Третьего рейха к своему концу. Уже после отправки письма Аппетину Вайскопф обращал внимание Фейхтвангера на то, что «в обращении немецких писателей как раз необходимо подчеркивать различие между нацистами и немецким народом»⁷⁷.

«Воззвание к немцам» (“*Aufruf an die Deutschen*”) было составлено Фейхтвангером, Г. Манном и Брехтом для устного выступления по просьбе основателя Комитета Курта Розенфельда, немецкого адвоката и бывшего депутата Рейхстага. Созыв Комитета можно считать реакцией немецких антифашистских сил в США на принятие 1 января 1942 г. Декларации Объединенных Наций на Первой Вашингтонской конференции, когда стало ясно, что вступающие в союз СССР, США и Великобритания настроены на долгую войну вплоть до капитуляции Германии. Целью Комитета, как и раньше Народного фронта, была консолидация немецких антифашистов и устранение нацизма своими силами. «Воззвание» поэтому вносило свою лепту в продолжительную дискуссию, охватившую англо-американский мир, о сущности и природе немецкого менталитета и будущем Германии. Текст должен был, помимо своего прямого назначения (призыв оказать сопротивление Гитлеру и его физически уничтожить), демонстрировать «другую Германию» и противостоять распространявшемуся в Великобритании и США «ванситтартизму»⁷⁸ [подробнее см.: Vahr 1989: 1493] — представлениям о германской внешней политике Германии как о преступлении всего народа и необходимости полной демилитаризации немцев в будущем.

Кто был основным автором текста, однозначно восстановить по переписке сложно, тем более что соавторы не были единого мнения о нацизме («Фейхтвангер и остальные не могут осознать феномен Гитлера, поскольку они не видят феномена господствующей мелкой

⁷⁷ Weiskopf an Feuchtwanger. 29.3.1942. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 2. S. 61).

⁷⁸ В 1942 г. в США, особенно в эмигрантской среде, идеи британского дипломата Роберта Гилберта Ванситтарта были предметом дискуссии, в которую были вовлечены и немецкие писатели-антифашисты как представители «другой Германии». Ванситтарт в своих радиообращениях оспаривал существование «другой Германии».

буржуазии»⁷⁹, — писал Брехт в «Рабочем журнале» накануне созыва), но скорее всего, это был Генрих Манн. Текст был написан в стиле, не свойственном Фейхтвангеру, а Брехт обычно не проявлял инициативы в таких мероприятиях. Сам Фейхтвангер утверждал в письме к Генриху Манну: «Нет сомнения, уважаемый господин Манн, что именно Вы обладаете необходимым талантом для наброска такого воззвания»⁸⁰. Готовое «Воззвание» было отредактировано и, по мнению Фейхтвангера, испорчено «мелкобуржуазной правкой»⁸¹. Вайскопф так же, как и Фейхтвангер, «не был осведомлен о дальнейшей судьбе “Воззвания”»⁸² (это, кстати, подтверждал его отчет для Москвы), и обоим «было бы жалко, если бы оно не вышло в печати»⁸³. Все косвенные признаки в общем-то указывали на скорее второстепенную роль Фейхтвангера в написании текста.

Фейхтвангер не знал о письме-отчете для Москвы, а Вайскопф даже не догадывался, что к моменту их дружеской переписки в конце марта 1942 г. «Обращение антифашистских немецких писателей к германскому народу» уже успело появиться в «Правде» (21 марта 1942 г.). Немного позднее публикации в «Правде», 10 апреля 1942 г., то же «Воззвание к немцам» гармонично вписалось в нью-йоркский выпуск газеты *Aufbau*, эмигрантского двуязычного (по преимуществу немецкоязычного) еврейского периодического издания. Так текст, о котором сожалел Вайскопф, был напечатан дважды: в сокращенном виде в еврейской газете *Aufbau*, и целиком в «Правде»⁸⁴ — при этом, судя по всему, без раздражавшей Фейхтвангера «мелкобуржуазной правки».

В своем письме-отчете Аппетину Вайскопф умело справлялся с дипломатической стороной дела: предоставляя запрашиваемую Москвой информацию об эмигрантской немецкой литературе, он одновременно напоминал об издательских надеждах писателей-эмигрантов, прежде всего, своего друга Фейхтвангера. Помня о трудностях Фейхтвангера с изданием книг в СССР, Вайскопф вскользь замечал,

⁷⁹ Brecht B. *Arbeitsjournal*. 27.2.1942. Bd. 1. S. 379.

⁸⁰ Feuchtwanger an Heinrich Mann, Los Angeles, 5.2.1942. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 340).

⁸¹ Feuchtwanger an Weiskopf, Los Angeles, 17.3.1942. (Ibid. Bd. 2. S. 60).

⁸² Weiskopf an Feuchtwanger. 29.3.1942. (Ibid. Bd. 2. S. 61).

⁸³ Ibid.

⁸⁴ В еще более сжатом виде текст был напечатан 19 апреля 1942 г. в нью-йоркском журнале *Intercontinent News*.

что «среди знаменитостей Фейхтвангер по-прежнему лучший, с ясным умом, не теряет мужества и предвидит будущее»⁸⁵, а в постскриптуме прямо интересовался, что опубликовано на русском языке за последнее время из произведений немецких эмигрантов, находящихся в Америке.

И Вайскопфу, и Цвейгу продолжали поступать весточки из Москвы, о чем оба сообщали Фейхтвангеру. Вайскопфу пришло «от Вилли Бр[еделя] длинное письмо, которое было в пути больше двух месяцев. [...] Ему требуется материал для *IL*⁸⁶, которая снова издается»⁸⁷. На это Фейхтвангер отвечал уже с привычной горечью:

Я рад, что Вы снова что-то получили из Москвы. Жаль, что никогда нет возможности подержать *IL* в руках. Очень интересно, как журнал сейчас выглядит, я бы с удовольствием тоже туда что-нибудь отправил⁸⁸.

Справедливости ради стоит отметить, что до 1943 г. и Вайскопф «не держал в руках» немецкоязычный журнал *Internationale Literatur*. В августе 1942 г. он напишет Фейхтвангеру слова утешения: «...один американский друг получил по почте проспект, в котором были анонсированы два номера журнала»⁸⁹.

К годовщине нападения Германии на СССР американские эмигранты отправили свое приветствие советскому народу. 24 июня 1942 г. далеко за океаном «Правда» сообщала, что «известные немецкие и чехословацкие писатели, проживающие в США, передали через Нью-Йоркское отделение ТАСС приветствия Советскому Союзу в связи с годовщиной отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков». Этими писателями были «известный немецкий писатель» Томас Манн, «чешский писатель» Франц К. Вайскопф и «известный немецкий писатель» Фейхтвангер, причем Фейхтвангер по-прежнему подчеркивал свою уверенность в скором прозрении, преодолении слепоты, в разрушении предрассудков.

⁸⁵ Weiskopf — Apletin, New York, первая неделя марта, 1942. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед.хр. 98. Л. 19.

⁸⁶ Журнал *Internationale Literatur*, который выходил на немецком языке.

⁸⁷ Weiskopf an Feuchtwanger, New York, 18.6.1942. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 2. S. 65).

⁸⁸ Feuchtwanger an Weiskopf, Los Angeles, 2.7.1942. (Ibid. Bd. 2. S. 65).

⁸⁹ Weiskopf an Feuchtwanger, New York, 2.8.1942. (Ibid. Bd. 2. S. 66).

Каждая победа, каждый великий подвиг Красной Армии не только разрушают часть военной машины варваров, но сокрушают чудовищную крепость предрассудков, которую создали против Советского Союза злоба и зависть во всем мире. То, чего достигла Красная Армия в течение этого года, не только защитило Советский Союз против вторгшейся армии варваров, но и открыло глаза многим миллионам во всем мире на мощь и истинную сущность Советского Союза. В день этой годовщины весь цивилизованный мир вспоминает о Советском Союзе с восхищением и любовью⁹⁰.

Также Фейхтвангеру телеграфировала редакция «Интернациональной литературы». Смена корреспондента в очередной раз вселила в него надежду. Фейхтвангер ответил 31 августа 1942 г., подчеркнув более однозначно, чем раньше, связь между довоенной статьей о Сталине и своим заключением во французский лагерь:

Дорогие друзья,

я очень благодарен Вам за Вашу телеграмму. Для меня было большой радостью снова о Вас услышать.

Моим последним сообщением для Вас было сопроводительное письмо, прилагавшееся к сочинению о Сталине к его дню рождения в 1939 году. Вы попросили меня написать статью, что я и сделал с огромной радостью. Я считаю, что та статья у меня хорошо вышла, но я боюсь, что она никогда не попадала в Ваши руки. Кроме того, у меня есть все основания предполагать, что именно из-за этого текста французское правительство запретило мне выезд из Франции и интернировало меня в лагерь⁹¹.

Новым в этом письме было предложение напечатать совсем свежий роман «Братья Лаутензак», имевший рабочее название *Die Zauberer* и переводившийся в переписке с СССР то как «Волшебники», то как «Колдуны»:

Наибольший интерес для советского читателя должен представлять роман, который я только что закончил, роман *Die Zauberer*, который

⁹⁰ Приветствия Советскому Союзу в связи с годовщиной отечественной войны против гитлеровских захватчиков // Правда. 24.06.1942. С. 4.

⁹¹ Feuchtwanger an die *Internationale Literatur*, Pacific Palisades, 31.8.1942. РГАЛИ. Ф. 631. Оп.14. Ед. хр. 469. Л. 5.

описывает судьбу ясновидца и астролога Гитлера, а также суеверный настрой Гитлера и Третьего рейха. Я надеюсь, мне удалось показать гротескное и кошмарное, скрывавшееся за телепатией, астрологией и «внутренним голосом» Гитлера и его друзей. [...] Я думаю, роман вносит ясность в запутанные и опасные вещи, так что они каждому читателю становятся понятными⁹².

Фейхтвангер выражал уверенность в том, что роман будет иметь успех и что стоит его напечатать сразу на двух языках — немецком и русском. Письмо Фейхтвангер отвез в Вашингтон и лично передал его первому секретарю Посольства СССР В.И. Базыкину. За письмом последовала телеграмма, уточнявшая, готова ли «Интернациональная литература» взяться за последний роман. Уже 8 сентября 1942 г. первый секретарь Посольства СССР сообщал, что телеграмма передана «Интернациональной литературе» и что при первой возможности будет передано письмо. Ответа писатель снова не получил.

Между тем 8 ноября 1942 г. «Правда» опубликовала «Приветствие писателя Лиона Фейхтвангера» в связи с 25-летием Октябрьской революции, написанное с максимально возможной экспрессией и патетикой:

Все, что есть прогрессивного в этом мире, напряженно и страстно следит за великолепной борьбой народов Советского Союза за их свободу, родину и достижения. Сотни миллионов людей на нашей планете знают, что от исхода этой борьбы зависят их собственные свобода и счастье. Эти миллионы готовы отдать себя и все, что у них есть, чтобы помочь победе Советского Союза⁹³.

С этого момента заявления Фейхтвангера перестали появляться в «Правде» с прежней регулярностью: в них не было необходимости, поскольку теперь, несмотря на упорное нежелание США и Великобритании открывать второй фронт, в советской прессе печатались обращения и приветствия союзников. Даже когда после Сталинградской битвы в войне обозначился перелом и Фейхтвангер и Томас Манн, как обычно, отправили свои поздравительные телеграммы через ТАСС

⁹² Ibid.

⁹³ Приветствия иностранных политических и общественных деятелей в связи с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции // Правда. 8.11.1942. С. 4.

в Нью-Йорке, их приветствия не напечатали в «Правде» (лишь 7 апреля 1943 г. имя Фейхтвангера мелькнуло в связи с сообщением о создании в Нью-Йорке «Национального совета американо-советской дружбы»).

Главным советским собеседником Фейхтвангера с 1942 г. стал вице-консул Г. Хейфец, в отчетах которого немецкие писатели-антифашисты, в особенности Фейхтвангер, Брехт и Генрих Манн, фигурировали все чаще.

2 декабря 1942 г. Фейхтвангер и Брехт встретились в генеральном консульстве СССР в Сан-Франциско с Хейфецом, которому Фейхтвангер передал для ВОКС письмо и свой новый роман *Die Zauberer*. Хейфец подробно сообщал в длинном послании председателю ВОКС В.С. Кеменову о бедственном положении Генриха Манна (по всей видимости, вся информация была получена от кого-то из друзей Г. Манна — Фейхтвангера или Брехта, или от них обоих), которого Москва пыталась поддерживать материально, указывал на неосведомленность Аппетина в отношении «обстановки в Америке» и, наконец, упоминал беседу со своими гостями-писателями:

У Фейхтвангера новые идеи, которые Брехт горячо поддерживает: создать в Америке издательство переводной советской литературы. Фейхтвангер предлагает связаться с одним из наиболее видных и крупных либеральных издательств и начать с ним работать. В первую очередь предлагают издать речи тов. Сталина. К каждой речи дать предисловие, примерно, на ½ печатной странице об исторической обстановке периода, в какой данная речь имела место. Весь этот материал должен быть отобран и подготовлен у нас (включая перевод).

Предисловие к книге, по мнению наших друзей, должно быть заказано в Америке, предпочтительно Уоллесу или Уилки⁹⁴.

Желательное название книги — «Сталин говорит».

Одновременно следует подготовить к изданию, вернее, прислать для перевода и издания биографии вождей и видных деятелей СССР, включая крупных хозяйственников, директоров заводов, и в последующем — пьесы советских авторов, написанные в период войны. Книги должны быть изданы солидно по общепринятой в Аме-

⁹⁴ Имеются в виду Генри Эгард Уоллес (Henry Agard Wallace, 1888–1965), в 1941–1945 гг. вице-президент США, отличавшийся просоветской позицией, и Льюис Уэнделл Уилки (Wendell Lewis Willkie, 1892–1944), американский политик, направленный в 1942 г. в СССР Рузвельтом для переговоров.

рике цене, и забота о распространении должна быть возложена на издательство, с которым будет договоренность об этом.

Спрос на советскую книгу здесь чрезвычайно велик. Поручить издание советских авторов известному здесь левому издательству, по мнению наших друзей, мало целесообразно и не даст нужного эффекта. Если это предложение будет признано Вами целесообразным, подтвердите телеграфно, и тогда Фейхтвангер попытается предварительно выяснить, какое издательство возьмет на себя издание советских книг с тем, чтобы позднее с этим издательством связать тех людей, которые будут заниматься вопросами издательства⁹⁵.

Эти грандиозные планы двух немецких друзей СССР, совпадавшие в той или иной степени с собственными проектами ВОКС, венчала просьба Фейхтвангера напечатать его новый роман:

Фейхтвангер просит свой роман «Колдун» передать Гослитиздату. Письмо со своими пожеланиями он перешлет дополнительно⁹⁶.

Поскольку Москва безмолвствовала, 14 декабря 1942 г. Фейхтвангер снова написал в редакцию, приложив последнее письмо от 31 августа, свою телеграмму, процитировав Базыкина и сославшись на своего агента. Возможно, предполагал писатель, предыдущие письма были отправлены не на тот адрес. На этот раз ждать ответ пришлось почти год.

Приятным рождественским подарком для *enemy aliens* в США стала отмена 25 декабря 1942 г. ограничений, и писатели-эмигранты могли теперь встречаться.

В начале 1943 г. Хейфец сообщал в Москву:

Положение немецких антифашистов чрезвычайно тяжелое. Каждый из них занят исключительно заботой о завтрашнем дне. Это, конечно, влияет на их общественную и политическую деятельность. Несколько улучшилось положение Брехта. Фейхтвангер испытывает уже кое-какие трудности, все же он живет лучше всех, и все фактически живут за его счет. Большие затруднения испытывает Генрих Манн⁹⁷.

⁹⁵ Хейфец — Кеменову, Сан-Франциско, 30 ноября–2 декабря 1942. Подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Ед. хр. 98. Л. 26.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Хейфец — Кеменову, Сан-Франциско, 11.2.1943. Маш. подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед. хр. 12. Л. 87, 88.

«Забота о завтрашнем дне» включала идейные споры в эмигрантской среде о будущем Германии. Генрих Манн, действительно практически не имевший средств к существованию и получавший помощь в том числе от Советского Союза, по мере сил проявлял активность в антифашистской деятельности. Брехт и Фейхтвангер поддерживали Г. Манна, вынашивая различные планы по антифашистской борьбе, которые им так и не удалось воплотить в жизнь:

С другой стороны, наши друзья реализуют свою мечту — участие в радиопередачах Москвы. Каким-то чудом Брехт раздобыл запи-сывающий аппарат, и сейчас они готовят для нас радиопрограммы в магнитофонной записи⁹⁸.

Участие эмигрантов в московских радиопередачах для немецких военнопленных было предложением Генриха Манна. Было решено «подготовить несколько программ в грамзаписи и переслать их через нас для использования в Москве»⁹⁹. Синими чернилами рукой Хейфеца была дописана просьба «прислать для ориентировки»¹⁰⁰ антифашистские материалы. С дипломатической почтой 19 февраля была отправлена также новая пьеса Фейхтвангера, написанная в соавторстве с Брехтом, «Видения Симоны Машар» (*Die Gesichte der Simone Machard, The Visions of Simone Machard*), парафразировавшая историю Жанны Д'Арк и предварявшая написание романа «Симона».

Через месяц первое радиовыступление Фейхтвангера и Генриха Манна было готово:

Наши немецкие друзья подготовили первую программу «Обращение к военнопленным». Создавалась эта программа с трудом по ряду причин, в основном, конечно, техническим. Пластинки при сем прилагаю. Полагаю, что они будут использованы, но в этом случае необходимо будет изъять технические ошибки, повторения, слабые тона и т. д. Мне здесь сказали, что это сделать будет нетрудно. Просто заклеить ненужные места только бумагой. В первой программе участвовали: известный режиссер — писатель Фиртель Бертольд¹⁰¹, Фейхтвангер

⁹⁸ Там же. Л. 88.

⁹⁹ Хейфец — Кеменову, Сан-Франциско, 19.2.1943. Маш. подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед. хр. 12. Л. 75.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Бертольд Фиртель (Berthold Viertel, 1885–1953) — австрийский писатель, драматург, эссеист, с 1939 г. в эмиграции в США, проживал то в Нью-Йорке, то

и Генрих Манн. Полагаем здесь технически улучшить записи и разнообразить программу художественными выступлениями. Этим делом заинтересованы все наши немецкие друзья.

Если Вами будет признано, что этот опыт ценен и нужен, то для достижения технически хороших передач необходимо затратить 60–70 долларов на каждую программу. Прошу санкционировать и согласие выслать по телеграфу¹⁰².

В конце апреля 1943 г. Хейфец снова был в Лос-Анджелесе и встречался с Фейхтвангером, Генрихом Манном, в этот раз к ним присоединился немецкий композитор Ганс Эйслер (Ханс Айслер)¹⁰³:

Они весьма заинтересованы в наших антифашистских передачах. Первую пробную пластинку послал Вам с предыдущей почтой, вторая, к сожалению, не успела прибыть из Лос-Анджелеса и уйдет только следующей почтой.

Наши друзья полагают привлечь к участию в программах американских артистов и писателей, в частности, Чаплина. Дело это, таким образом, может стать большим. Просили сообщить Ваши соображения телеграфно. Если Вами будет решен этот вопрос положительно, нам придется помочь нашим друзьям получить официальное разрешение на запись своих программ¹⁰⁴.

В апреле 1943 г. в США был опубликован роман Фейхтвангера об астрологе Гитлера под названием *Double, Double Toil and Trouble*¹⁰⁵, Вайскопф написал о книге прекрасную рецензию. «Гонорар поможет мне выбраться из достаточно стесненного положения, и я смогу теперь спокойно заняться романом о Гойе, который отнимет у меня примерно полтора года», — делился писатель мечтами с А. Цвейгом¹⁰⁶.

в Лос-Анджелесе, в 1942 г. получил американское гражданство, не смог добиться творческих успехов, но старался участвовать во всех эмигрантских мероприятиях.

¹⁰² Хейфец — Кеменову, Сан-Франциско, 18.3.1943. Маш. подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед. хр. 12. Л. 101. Получено ВОКС 9.6.1943.

¹⁰³ Ханс Айслер, Ганс Эйслер (Hanns Eisler, 1898–1962) — немецкий композитор, автор гимна ГДР, с 1926 г. член КПГ, депортирован из США в 1948 г.

¹⁰⁴ Хейфец — Кеменову, Сан-Франциско, 29.4.1943. Маш. подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед. хр. 12. Л. 117. Получено ВОКС 9.6.1943.

¹⁰⁵ Строка из песни ведьм из пьесы «Макбет» (IV, 1) Шекспира. Букв.: «двойной труд и беда». В рус. пер. М. Лозинского: «Жарко, жарко, пламя ярко»).

¹⁰⁶ Feuchtwanger an Zweig, Los Angeles, 6.1.1943. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 1. S. 265.)

Фейхтвангер наконец-то получил немецкоязычное издание журнала *Internationale Literatur*, и, что казалось уже почти невероятным, 7 мая писателю телеграфировал Аппетин о получении его письма от 10 марта 1942 г. и второй части романа «Изгнание»¹⁰⁷. Все остальное, отправленное из Калифорнии в Гослитиздат или *Internationale Literatur*, было еще, как верил писатель, в пути.

Попытки немецких писателей участвовать более активно в антифашистских проектах усилились с созданием в Красногорске Национального Комитета Свободная Германия (НКСГ, Nationalkomitat Freies Deutschland, NKFD), который вызвал у немецких эмигрантов неоднозначную реакцию. В любом случае, как сообщал Г. Хейфец председателю ВОКС и первому секретарю советского Посольства в США, «на телеграфный запрос Комитета Свободная Германия приветственную телеграмму послали Фейхтвангер и Томас Манн»¹⁰⁸. Их приветствия предназначались для нового печатного органа НКСГ *Freies Deutschland* — советско-немецкая газета называлась так же, как и уже давно существовавший немецко-мексиканский журнал, однако они никак не были связаны между собой.

В ответ на Манифест НКСГ Фейхтвангер, Генрих Манн и Брехт решили составить собственный манифест и опубликовать его в американской прессе. Писатели рассчитывали, что их манифест подпишут живущие в США немецкие писатели различных взглядов и он, таким образом, сможет привлечь внимание американской общественности к вопросу о различии нацистов и немецкого народа. Далее отчет Хейфеца практически совпадал с дневниковыми записями Брехта, по всей видимости, Хейфец знал о ситуации со слов драматурга.

Брехт, Фейхтвангер и Генрих Манн решили организовать коллективную приветственную телеграмму. Был выработан текст приветствия, который подписали Томас Манн, Генрих Манн, Фейхтвангер, Бруно Франк, Бертольт Брехт, Бертольт Фиртель, Ганц Рейхенбах и Людвиг Маркузе. По предположениям организаторов приветствия, они ожидали собрать подписи всех наиболее известных немецких эмигрантов, независимо от их политических настроений. Здесь же нужно отметить,

¹⁰⁷ См. Feuchtwanger an Weiskopf, Los Angeles, 12.5.1942. (Ibid. Bd. 2. S. 67.) На письме Фейхтвангера (на немецком языке) от 10 марта 1942 г. стоит пометка Аппетина о получении: 12.4.1943.

¹⁰⁸ Хейфец — Кеменову, Сан-Франциско, 8.9.1943. Маш. подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283 Оп. 2а. Ед. хр. 12. Л. 266. Получено ВОКС 23.10.1943.

что первоначальный текст, предложенный Брехтом, Фейхтвангером и Генрихом Манном, был значительно переработан Томасом Манном и только после этого был подписан указанной группой писателей¹⁰⁹.

Брехт в «Рабочем журнале» приводит сам текст приветствия, написанный коллективно за четыре часа работы:

В этот момент, поскольку победа Объединенных Наций становится все ближе, подписавшие здесь писатели, ученые и представители творческих профессий немецкого происхождения считают своим долгом публично объявить следующее:

Мы приветствуем манифест немецких военнопленных и эмигрантов в Советском Союзе, призывающий германский народ принудить своих работодателей к безоговорочной капитуляции и добиться в Германии сильной демократии.

Мы тоже считаем необходимым строго различать между гитлеровским режимом и связанными с ним слоями, с одной стороны, и немецким народом, с другой стороны.

Мы убеждены в том, что продолжительного мира во всем мире не может быть без сильной германской демократии. Томас Манн, Генрих Манн, Лион Фейхтвангер, Бруно Франк¹¹⁰, Бертольд Брехт, Бертольд Фиртель, Ханс Райхенбах, Людвиг Маркузе¹¹¹.

Факт изменения текста Брехт объяснял так: «Первую фразу добавил Т. Манн, он посчитал упоминание Советского Союза сомнительным»¹¹².

На следующий день, согласно «Рабочему журналу», Томас Манн позвонил Фейхтвангеру и объяснил, почему он решил вовсе не

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Бруно Франк (Bruno Frank, 1887–1945) — немецкий писатель еврейского происхождения, с 1939 г. жил в США, друг Томаса Манна, сооснователь Европейского кинофонда. Ханс Райхенбах (Hans Reichenbach, 1891–1953) — немецкий философ еврейского происхождения, с 1938 г. в США, преподавал в Калифорнийском Университете Лос-Анджелеса. Людвиг Маркузе (Ludwig Marcuse, 1894–1971) — немецкий философ и писатель еврейского происхождения, друг Фейхтвангера и сосед по французской Ривьере, сопровождал Фейхтвангера в Москву в 1936–1937 г., с 1944 г. гражданин США, последние десять лет жизни провел в ФРГ.

¹¹¹ Brecht B. *Arbeitsjournal*. Bd. 2. S. 597.

¹¹² Ibid.

подписывать документ: это было бы некрасиво по отношению к союзникам¹¹³. Хейфец сообщал в Москву больше подробностей:

Почти одновременно с подписанием текста, вернее на следующий день, газета Херста поместила резко антисоветскую статью, направленную против Комитета Свободная Германия. Именно в связи с этой статьей Томас Манн от своего имени и от имени Бруно Франка и Людвига Маркузе снял все три подписи из-под текста приветствия. Генрих Манн, Фейхтвангер и Брехт считают, что коллективное приветствие Комитету Свободная Германия должно быть послано, и выработали новый текст, надеясь собрать подписи всех немецких эмигрантов без различия политического направления. Они правильно считают, что телеграмма за подписью только левых антифашистов не будет иметь достаточного политического эффекта.

Поведение тройки, снявшей подписи, получило единодушную отрицательную оценку: Генрих Манн характеризует своего брата как труса, Бруно Франка они открыто называют врагом СССР.

Для того, чтобы изолировать Томаса Манна от антидемократических влияний и заставить его молчать (удержать его от выступлений против Комитета Свободная Германия), были приняты меры к распространению сведений, что Томас Манн и Фейхтвангер послали приветственную телеграмму Комитету Свободная Германия немедленно после его организации¹¹⁴.

Национальный Комитет Свободная Германия возник слишком неожиданно как для союзников, так и для симпатизировавших Советскому Союзу немецких эмигрантов-антифашистов, поэтому не было ничего удивительного в том, что почти для всех роль НКСГ во внешней советской политике оставалась непонятной. Кроме того, конфликт в эмигрантской среде был вызван более серьезными основаниями, чем просто нежелание Томаса Манна, которого Брехт с этого момента начал называть в «Рабочем журнале» «рептилией», прослыть коммунистом. Томас Манн уже в это время размышлял над вопросом вины и в своих размышлениях шел иным путем, чем Фейхтвангер

¹¹³ Ibid. 2.8.1943. S. 599.

¹¹⁴ Хейфец — Кеменову, Сан-Франциско, 8.9.1943. Маш. подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед. хр. 12. Л. 266.

и Брехт, сомневаясь в правомерности проводить грань между нацизмом и немецким народом.

Логическим продолжением дискуссий о будущем Германии стал Конгресс писателей, проведенный университетом Южной Калифорнии 1-3 октября 1943 г. и посвященный не только вопросам культуры во время войны и эмиграции, но и общей послевоенной ситуации и путям обновления Германии. За ходом Конгресса следила мировая общественность: президент Рузвельт прислал собравшимся приветственное слово, американские, советские, британские творческие организации отправили на заседания своих делегатов.

Фейхтвангер предложил своим слушателям две темы: «Писатель в изгнании» (“Die Arbeitsprobleme des Schriftstellers im Exil”, опубл. на нем. яз. в мартовском выпуске мексиканского журнала *Freies Deutschland*, no. 4 (1944): 27–28) и «О сущности немцев и нацистов» (“Vom Wesen der Deutschen und der Nazi”). Последний доклад, утверждавший, что немцы стали жертвой нацизма, как и остальные народы, вызвал дискуссию. Томас Манн настаивал на ответственности немцев за совершенные преступления. Составивший об этом докладе отчет советский вице-консул В.В. Пастоев замечал:

Фейхтвангер выдвинул следующий тезис: уничтожить фашизм означает освободить народ, ибо немецкие фашисты имеют большее сродство с фашистами других стран, чем с немецким народом, который в силу своих моральных качеств (гуманизм) и в силу своей многовековой разносторонней культуры, органически чужд фашизму.

Это заявление Фейхтвангера вызывало ряд возражений присутствовавших на семинаре. [...]

Дискуссия была настолько оживленная, что в конце прений Фейхтвангеру пришлось взять слово и разъяснить, что его неверно поняли, что он противопоставлял не фашистскую клику немецкому народу, а фашистов, то есть всех фашистски настроенных немцев, которые, по его мнению, составляют минимум 25% населения Германии, причем основное ядро этих 25% составляет современное молодое поколение Германии¹¹⁵.

¹¹⁵ Пастоев — Кеменову, Лос-Анджелес, 10.10.1943. Маш. подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед. хр. 12. Л. 284.

Выступление Фейхтвангера производило странное, противоречащее реальным фактам впечатление, напоминая ситуацию с его «псевдо-травелогом» «Москва 1937». Исследователь Фолькер Шкирка, анализируя доклад Фейхтвангера, дает тексту почти такие же характеристики («наивность», «лубочность»), какие получала в свое время книга «Москва 1937»:

Фразы Фейхтвангера, как бы ясно и обоснованно они ни звучали, одновременно казались наивными и оставляли ряд вопросов. Например, его мысль, что немецкий народ, осознав опасность Гитлера, изо всех сил сопротивлялся, порождена, в общем-то, скорее желанием, чем действительностью. Бросается в глаза, что автор романа «Успех», который в своих произведениях любил применять средства психологии, в этом реферате так лубочно обходится с психологией немецкого народа [Skierka 1984: 258].

Сам Ф. Шкирка приходит к совершенно очевидному выводу: выступление писателя носило намеренный, прагматический характер и было адресовано лишь американской аудитории с целью удержать американцев от безудержной мести и «мыслей об исправительной политике» [Skierka 1984: 258].

В любом случае Фейхтвангер, как и Томас Манн, точно знал, что в Германию он не вернется. В Москве к вопросу реэмиграции немецких писателей относились со всей серьезностью. Хейфец поэтому докладывал в ВОКС:

Случайно в беседе с Фейхтвангером мы заметили, что скоро можно будет нашим друзьям собираться домой в Германию. Фейхтвангер на это ответил, что он не будет чувствовать себя в Германии в безопасности и поэтому не собирается возвращаться после войны домой¹¹⁶.

Фейхтвангер наметил написать еще 6 книг. Для работы над каждой книгой ему потребуется 2 года. «Писатель может работать только в спокойной обстановке», — заявил Фейхтвангер. «Даже замечательные книги советских писателей, в частности, Ильи Эренбурга — “Падение Парижа”, написанная им во время войны, ниже их общего стандарта».

¹¹⁶ На полях помета: «NB!!!»

Фейхтвангер считает себя только писателем, и поэтому его пребывание в Германии не будет полезным. Он принесет гораздо больше пользы своими книгами, нежели организационно-политической работой, к которой он совершенно не приспособлен. Считаем это заявление Фейхтвангера весьма интересным. В дальнейшей беседе Фейхтвангер остается на старых позициях. Он считает, что наше влияние в Германии необходимо. Любой сговор англичан и американцев с какими-либо группами Фейхтвангер считает опасным и предупреждает, что, если американцы и англичане все же договорятся, Германия останется очагом войны¹¹⁷.

Такие же мысли посещали и Томаса Манна.

В конце 1943 г. у Фейхтвангеров появился собственный дом на калифорнийском побережье. То самое скромное убежище, “little bungalow”, в котором писатель собирался спокойно работать над своими произведениями, было куплено на полученные после публикации романа *Double, Double Toil and Trouble* девять тысяч долларов¹¹⁸. «Так бы жить всем писателям», — иронично описывал свою встречу с Фейхтвангером в роскошном «замке на море» (Schloss am Meer)¹¹⁹ немецкий эмигрант Герман Кестен. «Как он там живет — это нечто сказочное, — продолжал восхищаться Томас Манн. — Настоящий замок на море — его собственный, он расположен в живописных холмах бухты Санта-Моники, предлагающих великолепный вид, в его просторных помещениях хранится коллекция ценных книг, которая постоянно пополняется»¹²⁰. Вилла «Аврора» (Villa Aurora), ставшая после смерти Марты Фейхтвангер немецко-американским культурным центром, была с 1944 г. местом встречи творческой элиты, к которой относились не только немецкоязычные писатели, но и композиторы Ганс Эйслер (Ханс Айслер) и Арнольд Шёнберг, режиссер Фриц Ланг, актер Чарли Чаплин. Разговоры и споры во время регулярных встреч на вилле «Аврора» касались, прежде всего, будущего Германии.

¹¹⁷ Хейфец — Кеменову, Сан-Франциско, 4.8.1943. Получено 15.9.1943. Маш. подлинник с автографом. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед. хр. 12. Л. 219, 220.

¹¹⁸ Даже в 1943 г. это была не очень крупная сумма. Для сравнения, в 1990 г. вилла «Аврора» была выкуплена берлинским «Кругом друзей виллы “Аврора”» (Kreis der Freunde der Villa Aurora, осн. в 1988) у Университета Южной Калифорнии, к которому перешел дом после смерти Марты Фейхтвангер, за 1,9 млн. долларов.

¹¹⁹ Kesten an Franz Schoenberner, Los Angeles, 8.1.1947 [Kesten 1964: 295].

¹²⁰ Mann, Thomas. “Freund Feuchtwanger.” In Mann, Thomas. *Gesammelte Werke* in 12 Bdn. Bd. 11. Berlin: Aufbau, 1955: 308.

В 1944 г. права на экранизацию романа «Симона» были выкуплены до публикации книги, которая, в свою очередь, была высоко оценена критикой. С 1944 г. Фейхтвангеру так же, как Э.М. Ремарку, и в большей степени, чем даже Томасу Манну, удалось стать в США вполне состоятельным автором. Его произведения переводили, печатали, читали и экранизировали. Это позволяло ему регулярно помогать соотечественникам, писатель финансировал локальные мероприятия, активно поддерживал основанный эмигрантами в Лос-Анджелесе Европейский кинофонд (European Film Fund, EFF, 1938–1948), высылал пакеты и деньги всем, кто к нему обращался.

Хотя сам писатель, оказавшись в Америке, переживал из-за вынужденного отрыва от среды родного языка, искал долго переводчиков, часто был ими недоволен («Моя книга о Франции переведена крайне неудачно»¹²¹) и даже выступил в 1943 г. с соответствующим докладом на Конгрессе писателей в Университете Южной Калифорнии, издание его произведений на английском языке можно считать скорее творческой удачей:

вероятнее всего, его стиль, часто небрежный и мешавший наслаждаться чтением его книг, сглаживался переводчиками и не становился поэтому эстетической проблемой для зарубежного читателя [Jaretsky 1985: 108].

Последним аккордом в сложных отношениях между Москвой и Фейхтвангером стало гневное письмо, которое в феврале 1944 г. Хейфец отправил в ВОКС:

На ВОКС, на Иностранную комиссию советских писателей имеются небеспочвенные обвинения со стороны группы немецких писателей-антифашистов. За все время моего пребывания здесь ни разу не было получено как от ВОКСа, так и от Иностранной комиссии письма в адрес кого-либо из немецких антифашистов. Между тем, мы отправили их рукописи и письма Вам. Фейхтвангер и Генрих Манн определенно указывают, что им непонятно отношение Москвы. Если нельзя воздействовать на Комиссию советских писателей, крайне

¹²¹ Feuchtwanger an Weiskopf, Pacific Palisades, 1.10.1941. (*Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. Bd. 2. S. 57.)

желательно, чтобы хотя бы ВОКС написал личные деловые письма Фейхтвангеру, Генриху Манну, Брехту, Деблину и др. [...]

Фейхтвангер написал новый роман «Симона». Рукопись на немецком языке посылаю Вам. К сожалению, не успел прочитать. Фейхтвангер лично доволен своим новым романом. Он будет издан в Америке. В связи с пересылкой рукописи этого романа сообщите нам, в каком положении находится вопрос об издании уже ранее высланных рукописей¹²².

7 июля 1944 г. Фейхтвангеру исполнилось 60 лет. Друзья-эмигранты присылали ему поздравления. Не исключено, что примерно в это же время прибыло письмо (если, конечно, по счастливой случайности оно не потерялось в пути), написанное Борисом Сучковым 30 октября 1943 г. в ответ на целый пакет писем из Калифорнии (содержавший письма Фейхтвангера от 31 августа и от 14 декабря 1942 г., его телеграмму, письмо его агента). Ни одна из книг, уверял ответственный секретарь Инокомиссии¹²³ Б.Л. Сучков в Москве не была еще получена. Сучков, даже не пытаясь сгладить неловкую ситуацию, по-солдатски прямо писал о военном времени и невозможности переиздать «Изгнание», о знакомстве с фрагментами «Волшебников» («Пока, разумеется, думать о его использовании в какой бы то ни было форме — нецелесообразно»¹²⁴), наконец, о третьей части «Иосифа», «представляющей наибольший интерес из всех этих книг». Единственное, что, похоже, Москву интересовало в действительности, — предложение Фейхтвангера написать статью о Сталине и стиле его речей. Из письма Сучкова следовало, что запрашиваемый Фейхтвангером материал давно отправлен в США. Далее Фейхтвангеру предлагалось обращаться с любыми просьбами и вопросами во время работы над статьей и сообщать о его новых творческих достижениях и планах: «Вы хорошо знаете, что советский читатель интересовался

¹²² Хейфец — Кисловой, Лос-Анджелес, 7.2.1944. ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2а. Ед.хр. 16. Л. 140, 141. Маш. подлинник с автографом. Получено 27.5.1944.

¹²³ В 1942–1943 гг. Б.Л. Сучков был последним отв. редактором журнала «Интернациональная литература», а в 1945–1947 гг. возглавлял Издательство литературы на иностранных языках (с 1946 г. — Издательство иностранной литературы).

¹²⁴ Б. Сучков — Лиону Фейхтвангеру. Без даты. Маш. коп. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 469. Л. 11. То же письмо, переведенное на английский, датируется 30 октября 1943 г. См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 492. Л. 2.

и интересуется Вашим творчеством»¹²⁵. В целом, письмо было почти издательским.

В отличие от Томаса Манна, Арнольда Цвейга, Альфреда Дёблина и других, оставивших в своих письмах и дневниках реакции на окончание Второй мировой войны, Фейхтвангер в это время пишет мало писем, а в имеющихся касается только творческих вопросов, не упоминая политическую сторону вовсе.

В 1945 г., сразу после капитуляции Германии, в № 5–6 советского журнала «Октябрь» наконец-то после длительного перерыва было напечатано первое новое произведение Фейхтвангера — роман «Симона». К сожалению, узнать об этом писатель смог только через год.

Военные годы, проведенные Фейхтвангером в Америке, без преувеличения можно назвать самыми спокойными, плодотворными и комфортными в социальном плане. За писателем следили, но еще не преследовали; Фейхтвангер успел опубликовать книгу воспоминаний («Черт во Франции») и три романа («Настанет день», «Братья Лаутензак», «Симона»), завершить совместно с Брехтом пьесу («Видения Симоны Машар»), продвинуться в работе над романом о Б. Франклине, начать роман о Гойе; близкие друзья Брехт и Генрих Манн были постоянными собеседниками; наконец, «гигантский Санари» этих лет, центром которого с 1944 г. стала сказочная вилла «Аврора», писатели-эмигранты вспоминали впоследствии с глубоким ностальгическим чувством. Источником постоянных переживаний и огорчений оставались лишь непостижимые московские друзья. Однако у Фейхтвангера хватало мудрости и терпения, чтобы смотреть на эти отношения, как и на происходящее в его романах, «с позиции человека, который живет сто лет спустя».

ЛИТЕРАТУРА

Добряшкина 2021 — Добряшкина А.В. «Эстеты в Советском Союзе»: А. Жид, Л. Фейхтвангер, М. Кольцов // ROSSICA. Литературные связи и контакты. 2021. № 1. С. 79–111.

¹²⁵ Там же.

REFERENCES

Bahr 1989 — Bahr, Ehrhard. *Die Kontroverse um «Das andere Deutschland»*
In: Deutschsprachige Exilliteratur seit 1933, Bd. 2, T. 2. New York; Bern: Francke, 1989.

Dobryashkina 2021 — Dobryashkina, Anna V. “‘Estety v Sovetskom Sojuze’: A. Zhid, L. Fejhtvanger, M. Kol'cov” [“‘Esthetes in the Soviet Union’: A. Gide, L. Feuchtwanger, M. Koltsov.”]. *ROSSICA. Literaturnye svyazi i kontakty*, no. 1 (2021): 79–111. (In Russ.)

Heusler 2014 — Heusler, Andreas. *Lion Feuchtwanger. Münchner – Emigrant – Weltbürger*. St. Pölten, Salzburg, Wien: Residenz Verl., 2014.

Jaretzky 1985 — Jaretzky, Reinhold. *Lion Feuchtwanger mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Reinbek b.H.: Rowohlt, 1985.

Kesten 1964 — Kesten, Hermann. *Deutsche Literatur im Exil. Briefe europäischen Autoren 1933–1949*. Wien, München, Basel: Kurt Desch Verl., 1964.

Kießling 1984 — Kießling, Wolfgang. *Exil in Lateinamerika*. Leipzig: Reclam, 1984.

Skierka 1984 — Skierka, Volker. *Lion Feuchtwanger. Eine Biographie*. Berlin: Quadriga Verl., 1984.

Stephan 1998 — Stephan, Alexander. *Im Visier der FBI. Deutsche Exilschriftsteller in den Akten amerikanischer Geheimdienste*. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verl., 1998.

© 2024, A.B. Добряшкіна

Дата поступления в редакцию: 12.09.2024

Дата одобрения рецензентами: 15.10.2024

Дата публикации: 25.12.2024

© 2024, Anna V. Dobryashkina

Received: 12 Sept. 2024

Approved after reviewing: 15 Oct. 2024

Date of publication: 25 Dec. 2024